

**Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук**

На правах рукописи

Хапизов Шахбан Магомедович

**Поселенческая культура дагестанцев Цора
в контексте этнокультурной истории
(XVIII-XXI вв.)**

**специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и
антропология**

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

МАХАЧКАЛА – 2015

Работа выполнена в отделе этнографии ФГБУ Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

Научный руководитель: доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии ФГБУ «Институт истории, археологии и этнографии» ДНЦ РАН,
Агларов Мамайхан Агларович.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева,
Дзарахова Зейнеп Магомет-Тагировна.

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
отдела этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Ботяков Юрий Михайлович.

Ведущая организация:
ФГБУК Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург)

Защита состоится «11» октября 2016 г. в 14.30 на заседании диссертационного совета Д. 002.117.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Институте этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН по адресу: Москва, Ленинский пр. д. 32а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН и на сайте www.iea-ras.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

Данилко Елена Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Поселение наряду с жилищем представляет собой один из элементов материальной культуры, развитие которого находится в непосредственной зависимости от специфики социальной, хозяйственной и духовной жизни народа. Соответственно все какие-либо существенные изменения в этих сферах, так или иначе, накладывают свой отпечаток на облик поселения. Именно этим объясняется актуальность обращения к теоретическому и конкретно-историческому изучению поселенческой культуры у народов мира.

Настоящее исследование посвящено поселенческой культуре этнических дагестанцев левобережья р. Алазани в пределах Южного Кавказа. На современной административно-политической карте Закавказья территория левобережья Алазани распределена между районами Азербайджана: Белоканским, Закатальским, Кахским (отчасти и Шекинским) и Грузии: Лагодехским, Кварельским, Телавским и Ахметским. Из этих районов традиционными регионами расположения поселений дагестаноязычных народов были Белоканский, Закатальский, Кахский районы Азербайджана, а также (с некоторыми оговорками) Кварельский и Лагодехский районы Грузии. Это сплошной пояс склонов Главного Кавказского хребта и прилегающей приалазанской равнины, начинающийся от границ Шеки и заканчивающийся у города Кварели. Регион этот по площади занимает около 5 тысяч кв. км, на которых проживает до 330 тысяч человек, около половины из которых – представители дагестаноязычных народов: аварцы, цахуры, рутульцы и удины

В связи с этим следует отметить возрастание особого интереса, как в Дагестане, так и за его пределами, к проблемам этнических дагестанцев, живущих в Закавказье. Исследование современной ситуации в этом регионе побуждает нас к изучению его исторического прошлого, поскольку именно таким образом можно выявить истоки и специфику происходящих там ныне процессов.

На их фоне совершенно очевидна историко-этнографическая малоисследованность региона, в то время как современная ситуация настоятельно требует серьезного изучения историко-культурного бытования проживающих на ее территории этносов. Недостаточное внимание к вопросам истории и этнографии региона вкупе со многими нерешенными его проблемами в последние годы становится причиной соединения политических и националистических манипуляций, что приводит только к усугублению напряженной ситуации в крае.

При этом в связи с происходящими активными процессами перестройки жилого фонда населенных пунктов Цора и изменения их структуры и топографии возникает необходимость фиксации тех элементов традиционной поселенческой культуры региона, которые здесь еще сохранились. Исчезновение этой интересной группы этнографических памятников может привести к невозполнимой утрате научного и историко-

культурного наследия, необходимого для изучения специфики материальной культуры Цора. Особенно актуализировало эту проблему землетрясение 2012 г., в результате которого были разрушены около 6 тысяч частных домовстроений и общественных зданий в Закатальском, Белоканском и Кахском районах, которые затем были заново построены по типовым проектам. Массовое строительство однообразных жилых и общественных зданий с одновременным разрушением старого жилого фонда повлекло за собой исчезновение старых форм жилья и изменение архитектурного облика многих поселений Цора.

Тема заявленной диссертации, в которой вопросы типологии и развития поселений рассматриваются одновременно и в теоретическом, и в конкретно-историческом аспектах, с использованием объемного фактического материала по поселениям и жилищу дагестаноязычных народов, до настоящего времени не была поднята ни в одном из обобщающих кавказоведческих трудов.

Вышеперечисленные аспекты темы диссертационного исследования определяют ее актуальность и научную новизну.

Объектом исследования диссертационной работы является Алазанская долина, более известная в Дагестане как Цор. Разделенный государственными границами между Азербайджаном и Грузией, Цор является одним из наиболее сложных с точки зрения этнического состава и наименее изученных регионов традиционного проживания этнических дагестанцев в Закавказье. Цор с древнейших времен служил важным экономическим и политическим центром притяжения для соседних районов Нагорного Дагестана – горной Аварии и Горного магала (верховий Самура). История этого региона, точнее, его левобережья (постоянные поселения этнических дагестанцев располагались только на левом берегу Алазани), тесным образом связана с историей прилегающих регионов горного Дагестана.

Предметом исследования выступает поселенческая культура Цора XVIII–XX вв., под которой подразумевается совокупность всех населенных пунктов сельского типа (сельских поселений), расположенных на изучаемой территории, в сочетании с ее внутренней инфраструктурой и структурой связей между ними – в процессе ее исторического развития. Исследуемый процесс развития поселенческой культуры Цора в исторической перспективе подразумевает систему количественных и качественных изменений структуры и функций сети сельских поселений, происходивших в результате целенаправленных действий государственной власти и населения региона. В связи с этим исследуется как значение поселенческой сети в хозяйственном и социокультурном развитии Цора, так и влияние природно-географических, социально-экономических, политико-правовых, демографических и иных условий и факторов на возникновение и развитие сети поселений.

Сложность изучения поселений и жилищ этнических дагестанцев Цора вызвана их типологическим разнообразием, что объясняется различиями

природно-географической среды, хозяйственно-экономической специализации отдельных народов региона (аварцы, цахуры, грузины и мугалы) в прошлом, а также этнокультурными особенностями, которые играют важную роль в многонациональном по составу населения крае.

Цель и задачи. Основная цель исследования заключается в комплексном изучении системы расселения и характеристике поселенческой культуры дагестаноязычного населения левобережья Алазани (Цора) на основании всех доступных источников и полевого материала. В соответствии с поставленной целью были определены взаимосвязанные задачи:

- составить историко-географическую характеристику Цора;
- обрисовать этническую картину Цора в XVIII–XX вв.;
- определить природно-географические и исторические условия, а также факторы, оказавшие влияние на складывание и развитие системы расселения в регионе;
- дать топографическую характеристику поселений исследуемого региона;
- выявить характерные особенности и динамику развития структуры расселения;
- охарактеризовать процесс формирования различных видов жилища населения Цора и их постепенную эволюцию;
- разработать типологии поселений Цора;
- провести сравнительный анализ элементов поселенческой культуры населения Цора, Дагестана, Азербайджана, Грузии и выявить общие закономерности, особенности развития;
- определить результаты влияния политических процессов второй половины XIX–XX в. на развитие поселенческой культуры Цора.

Географические рамки ограничены территорией левобережья р. Алазани, начиная от гор. Кварели и кончая границей Кахского и Шекинского районов АР. В этих пределах располагались поселения этнических дагестанцев в XVIII–XX вв., которые являются основным объектом исследования.

Поставленные задачи определили хронологические рамки диссертации, охватывающие период XVIII–XX вв. Нижняя граница была обусловлена, прежде всего, тем, что именно в этот период произошли существенные изменения в расселении дагестаноязычных народов Цора в результате неоднократных разрушительных походов Надир-шаха и его брата Ибрагим-хана (1730–1740-х гг.). Нашествия эти повлекли за собой разрушение почти всех населенных пунктов цорских аварцев. Затем последовал процесс постепенной миграции («сползания») населения из горной части Цора в предгорье, сопровождавшийся опустением горных селений региона. Временные пределы исследования были обусловлены также и тем, что современная система расселения в горной части Цора сложилась именно во второй половине XVIII в.

Научная разработанность темы исследования крайне слаба. Если вопросы, связанные с типологией жилища Цора, так или иначе, получили освещение в некоторых трудах этнографов, то поселенческая культура данного региона никогда не становилась объектом научного интереса исследователей. Из работ, посвященных описанию жилых строений Цора, следует, прежде всего, отметить работу азербайджанского исследователя М.Н. Насирли: «Жилые дома населения Шеки-Закатальской зоны Азербайджанской ССР» (1975)¹, написанную на азербайджанском языке. Хотя название монографии на русском языке указано как «Поселения Шеки-Закатальской зоны Азербайджанской ССР», однако обращение к названию на языке оригинала и к его содержанию не оставляет сомнений в том, что оно не совсем точно переведено. Работу отличает описательный характер, практически отсутствуют цифровой материал, карты, обобщения и сравнения с другими регионами Дагестана и Закавказья, также крайне слабая источниковая база. На этом фоне выделяется работа другого азербайджанского исследователя А. Мехтиева (2001)², посвященная народному жилищу Азербайджана. В ней цорский материал представлен большей частью при описании жилых башен Азербайджана, обнаруженных в аварских селениях Алазанской долины. Ценный фактический материал по народному жилищу Цора содержится в статьях С. Датиева, Д. Мотис³ и В.П. Кобычева⁴. Такого же рода материал, но уже по оборонительным сооружениям Цора, имеется в статье Л. Бретаницкого и Л. Мамиконова⁵. Этому же вопросу посвящена статья З. Халаева⁶. Архитектуре культовых сооружений Закатальского региона посвящена статья Ш.С. Фатуллаева⁷.

Вопросам сельского расселения в Шеки-Закатальском регионе Азербайджана посвящена диссертация К.М. Цодорова⁸, но в ней основное внимание уделено вопросам социально-экономической географии, а историко-этнографическая проблематика практически не нашла в ней

¹ *Насирли М.Н.* Жилые дома населения Шеки-Закатальской зоны Азербайджанской ССР. – Баку, 1975 (на азерб. яз.).

² *Мехтиев А.* Народное жилище Азербайджана. – Тебриз, 2001.

³ *Датиев С., Мотис Д.* Жилье XVIII–XIX вв. Закатальского района // Памятники архитектуры Азербайджана. – Баку, 1950. – С. 103–110.

⁴ *Кобычев В. П.* Крестьянское жилище народов Азербайджана в XIX в. // Кавказский этнографический сборник. – М., 1962. Вып. III. – С. 3–68.

⁵ *Бретаницкий Л., Мамиконов Л.* Оборонительные сооружения Закатальского и Белоканского районов // Памятники архитектуры Азербайджана. – Баку, 1950. – С. 111–119.

⁶ *Халаев З.А.* Из истории оборонительных сооружений Алазанской долины // Вопросы истории. – 2007. – № 10.

⁷ *Фатуллаев Ш.С.* Народное зодчество Шеки-Закатальской зоны Азербайджана (на примере культовых сооружений) // *Revue Roumaine d'histoire de l'art. Serie beaux-arts.* – Bucharest, 1977. – Т. XIV. – Р. 81–166.

⁸ *Цодоров К.М.* Социально-географические проблемы реконструкции сельского расселения в Шеки-Закатальском экономическом районе Азербайджанской ССР: автореферат дис. ... канд. географ. наук. – Л., 1983.

отражения. Вопросы материальной культуры Цора, особенно поселенческой, практически не затронуты в специальной этнографической литературе, что позволяет констатировать отсутствие теоретической базы по этому вопросу касательно Азербайджана.

Этот пробел удалось восполнить за счет работ дагестанских исследователей-этнографов по материальной культуре народов Дагестана, в которой поселение подверглось самому пристальному и всестороннему исследованию. Прежде всего, следует отметить многочисленные работы А.И. Исламмагомедова⁹ и М.-З. Османова¹⁰ по поселениям, теоретические разработки которых легли в основу основной части диссертации. Вместе с тем, указанные вопросы нашли отражение в работах М.А. Агларова¹¹, С.С. Агашириновой¹², М.С. Гаджиева¹³, С.Ш. Гаджиевой и А.Г. Пашаевой¹⁴, материалы и обобщения которых широко привлечены автором в ходе написания второй главы настоящей работы. Было уделено внимание и работам по типологии элементов поселенческой культуры других регионов

⁹ *Исламмагомедов, А.И.* Поселения аварцев в XIX–XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1964. Т. XII (серия историческая). – С. 155–176; *Он же.* Поселения и жилища цахуров в XIX–XX вв. // Дагестанский этнографический сборник. – Махачкала, 1974. Вып. 1. – С. 69–118; *Он же.* Отражение феодальных отношений в характере поселений // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Региональная научная конференция. Тезисы докладов. – Махачкала, 1980. – С. 71–72; *Он же.* Аварцы (историко-этнографическое исследование XVIII – нач. XIX в.). – Махачкала, 2002. – С. 431.

¹⁰ *Османов, М.-З.* Поселения даргинцев в XIX–XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1962. – Т. X. – С. 214–240; *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967. – С. 300; *Османов, М.-З.О.* К вопросу о принципах классификации жилища // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1969. Т. XVI (серия общественных наук). Кн. 2. – С. 107–126; *Он же.* Поселения Дагестана в первой половине XIX в. (вопросы типологии) // Материальная культура народов Дагестана в XIX – нач. XX в. – Махачкала, 1988. – С. 6–22; *Он же.* К вопросу о типологии поселений Дагестана (XVIII – первая половина XIX века) // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 80-летию основания ИИАЭ ДНЦ РАН. – Махачкала, 2004. – С. 211–215.

¹¹ *Агларов, М.А.* Поселение и жилище андийской группы народов в XIX – начале XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1966. Т. XVI (серия общественных наук). – С. 367–390; *Он же.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. – М., 1988. – С. 240; *Он же.* Андийцы (историко-этнографическое исследование). – Махачкала, 2002. – С. 304; *Он же.* Сельская община под реформами XIX – первой трети XX в. // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. II. В царской и ранней советской России. – М., 2009. – С. 26–39.

¹² *Агаширинова С.С.* Поселения лезгин в XIX – начале XX в. // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. – Махачкала, 1959. Т. VI. – С. 234–240.

¹³ *Гаджиев М.С.* Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. – М., 2002. – С. 246–247, 250.

¹⁴ *Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.* Указ. соч. – С. 300.

мира¹⁵. Особо следует отметить коллективный труд армянских этнографов под редакцией С.А. Арутюнова и Э.С. Маркарян¹⁶, посвященный сельской культуре Армении. Многие тезисы из данной работы были взяты за основу при типолого-классификационной характеристике элементов поселенческой культуры.

Политическая история и языки дагестаноязычных народов Цора не раз становились объектами исследования кавказоведов, представленных, прежде всего, дагестанскими учеными (Т.М. Айтберов¹⁷, С.А. Сулейманова¹⁸, Б.М. Гусейнова¹⁹, З.А. Халаев²⁰, Э. Летифова²¹, И.А. Дибиров²², П.А. Саидова²³, М. Гаджиев²⁴, М. Алексеев²⁵ и т.д.). Однако этнография региона продолжала оставаться белым пятном в современном кавказоведении. За исключением ряда статей, эта тема оставалась за пределами сферы научных интересов кавказоведов. В этой связи можно отметить работы грузинских авторов, посвященные исключительно грузинам-ингилойцам, живущим в данном регионе и написанные на грузинском языке, из-за чего они оказались вне пределов внимания русскоязычных авторов²⁶.

¹⁵ См. например: Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. – М., 1984. – С. 34-64; Рикман Э.А. Типология традиционных поселений в румынской этнографии // Типология основных элементов традиционной культуры. – М., 1984. – С. 106-114 и т.д.

¹⁶ Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. – Ереван, 1983. – С. 320.

¹⁷ Айтберов, Т.М. Закавказские аварцы (VIII – начало XVIII вв.). – Махачкала, 2000. Ч. I. – С. 172.

¹⁸ Молла Мухаммад ал-Джари. Джарская хроника / пер., введ. и прим. С.А. Сулеймановой. – Баку, 1997. – С. 146 (на азерб. яз.); Сулейманова С. Джаро-белоканские аварцы (историко-этнографический очерк) // Азербайджан и азербайджанцы в мире. – Баку, 2009. – № 2. – С. 61–74.

¹⁹ Гусейнова Б.М. Расселение дагестаноязычных и других народов в Восточном Закавказье в XVIII–XIX вв. – Махачкала, 2004. – С. 56.

²⁰ Халаев З.А. Этнополитическая и культурно-религиозная история дагестаноязычных народов Алазанской долины в XVI–XVIII вв. – Махачкала, 2012. – С. 175.

²¹ Летифова Э. Илсуйское султанство. – Баку, 2010. – С. 400.

²² Дибиров И.А. Лексические и морфологические особенности дагестанских языков Алазанской долины. – Махачкала, 2011. – С. 258.

²³ Саидова П.А. Закавказский диалект аварского языка. – Махачкала, 2007. – С. 216.

²⁴ Гаджиев М. Солнце наставления – шайх Махмуд-афанди, его наставники и ученики. – Махачкала, 2012. – С. 376 (на авар. яз.).

²⁵ Алексеев М., Казенин К., Сулейманов М. Дагестанские народы Азербайджана. – М., 2006. – С. 120.

²⁶ Эдили З. Ингилойцы. – Тбилиси, 1947. – С. 180 (на груз. яз.); Думбадзе М. Архивные источники о Джаро-Белоканах // Исторический вестник. – Тбилиси, 1950. Вып. 4. – С. 481-559 (на груз. яз.); Думбадзе М. Из истории Восточной Кахети (Саингило) (дореформенный период XIX в.). – Тбилиси, 1953. – С. 280 (на груз. яз.); Имнайшвили Г.М. Особенности ингилойского наречия грузинского языка. – Тбилиси, 1966. – С. 216

Азербайджанские исследователи приступили к изучению истории и этнографии населения Алазанской долины совсем недавно (из работ советского периода, посвященных Закатальскому региону можно отметить только две, посвященные топонимии и жилой архитектуре²⁷) и потому их работы заметно уступают сочинениям грузинских коллег, как в количественном, так и качественном отношении²⁸.

Первой статьей, посвященной описанию исследуемого региона в русской периодике можно считать безымянную заметку в «Тифлисских ведомостях» 1829 г., перепечатанную тогда же в «Русском Инвалиде»²⁹. Большой информированностью и масштабностью исторического исследования отличаются материалы А. Посербского³⁰, а затем несколько отредактированные в «Кавказском календаре»³¹. Также были переизданы интересные путевые наблюдения Д. Зубарева – сначала в газете «Тифлиссские Ведомости» (правда, авторство угадывается только при сличении текста обоих материалов, поскольку первая статья была опубликована без указания авторства)³², затем в журнале «Русский вестник»³³. Дореволюционный автор К. Никитин в статье «Очерк

(на груз. яз.); *Папуашвили Т.Г.* Вопросы истории Эрети. – Тбилиси, 1970. – С. 392 (на груз. яз.); *Чангашвили Г.З.* Сангило (географо-исторический очерк). – Тбилиси, 1970. – С. 166 (на груз. яз.); *Папуашвили Т.Г.* Чар-Белакани. Исторический очерк. – Тбилиси, 1972. – С. 168 (на груз. яз.); *Ростиашвили Н.М.* Словарь ингилойского диалекта. – Тбилиси, 1978. – С. 252 (на груз. яз.); *Адамия И.В.* Грузинское народное зодчество (Саингило). Кн. III – Тбилиси, 1979. – С. 258 (на груз. яз.); *Чилашвили Л.* Города Кахетии (XIV-XVII вв.). – Тбилиси, 1980. – С. 386 (на груз. яз.); *Папуашвили Т.Г.* Царство ранов и кахов (VIII-XI вв.). – Тбилиси, 1982. – С. 290 (на груз. яз.); *Гамбашидзе Р.Б.* Словарь ингилойского наречия грузинского языка. – Тбилиси, 1988. – С. 630 (на груз. яз.); *Джанашвили М.* Саингило. – Тбилиси, 1993. – С. 280 (на груз. яз.); *Бурджаев (Асиставишвили) Т., Исаев (Датунашвили) С., Алибегов (Моуравишвили) Б.* Трагедия грузин-ингилойцев. – Тбилиси, 2003. – С. 52 (на рус. яз.); *Марджанишвили Г.* Эрети. – Тбилиси, 2005. – С. 58 (на груз. яз.); *Папуашвили Т.Г.* Очерки истории Саингило. – Тбилиси, 2013. – С. 306 (на груз. яз.).

²⁷ *Насирли, М.Н.* Жилые дома населения Шеки-Закатальской зоны Азербайджанской ССР. – Баку, 1975. – С. 268 (на азерб. яз.); *Нуриев, Е.* Топонимия Шеки-Закатальской зоны Азербайджанской ССР. – Баку, 1989. – С. 112 (на азерб. яз.).

²⁸ *Джавадова, З.Э.* Северо-западный Азербайджан. – Баку, 1999. – С. 108 (на азерб. яз.); *Арзу Аишаф кызы.* Джаро-Белоканское джамаатство (конец XVII – 30-е годы XIX вв.). – Баку, 2009. – С. 256 (на азерб. яз.); *История северо-западного Азербайджана / под ред. Я.М. Махмудова.* – Баку, 2011. – С. 424 (на азерб. и рус. яз.).

²⁹ О чарских и белоканских лезгинах // «Русский инвалид». 1829. № 19.

³⁰ *Посербский А.* Закатальский округ // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1864. – № 48, 59, 60 и 61; *Посербский А.* Изследование по Закатальскому округу, как материал для будущего историка // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1864. – № 83, 94, 100.

³¹ *Посербский А.* Очерк Закатальского округа // Кавказский календарь на 1866 г. – Тифлис, 1865. Отд. V. – С. 3–60.

³² Поездка в Джарскую и Белоканскую области // Тифлиссские Ведомости. – Тифлис, 1830. – № 81, 82 и 83.

³³ *Зубарев Д.* Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область // Русский вестник. – 1841. – Т. 2.

Элисуйского ущелья»³⁴, останавливаясь на вопросах истории Елисуйского султанства, в целом следует озвученной до этого концепции грузинских авторов о том, что в прошлом это Кахское эриставство Кахетии, а елисуйские султаны – бывшие грузинские феодалы Вахвашишвили. Освещению отдельных сторон прошлого Джара и Елису, а также памятников архитектуры этого края, равно и быта его жителей, посвящена другая статья К. Никитина³⁵. Отдельные вопросы истории Цора получили освещение в статье А. Чиркеевского о происхождении аварцев³⁶. Политическая ситуация и экономическое положение Джарской республики являлись предметом интереса путешественников, выполнявших заодно разведывательные задачи³⁷. обстоятельный обзор Закатальского округа, Тленсеруха и Горного магала в части политического и экономического состояния региона, а также отдельных сфер этнографии можно встретить у генерала Н. Глиноецкого³⁸. Интересные сведения о переселении на территорию современного Кварельского района Грузии аварцев в 1852 году и о возобновлении грузинского селения «Старые Гавазы», а также христианизации ингилойцев приводит граф В. Соллогуб³⁹. О границах округа и разделении его на три участка, а также обычном праве и этнографии джарских аварцев пишет в 1850 г. некий М. М-цев⁴⁰. Предметом интереса бывшего начальника Закатальского округа Н. Колюбакина стали повинности ингилойцев и мугал по отношению к джарцам⁴¹. Безымянный автор в 1858 г. издал отдельным оттиском брошюру, в которой затрагивается быт и даются общие сведения о некоторых поселениях аварцев Цора, Анкратля и Тленсеруха. Основное его внимание обращено на деятельность генерала Анрепа, назначенного в сентябре 1839 года начальником лезгинской кордонной линии и Джарской области⁴². Отрывки из сочинения французского консула Гамбы были опубликованы в 1827 г., и

³⁴ *Никитин К.* Очерк Елисуйского ущелья // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1866. – № 67, 68 и 70.

³⁵ *Никитин К.* Елисени // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1867. – № 92, 93 и 94.

³⁶ *Чиркеевский А.* О происхождении аварцев // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1865. – № 64, 65.

³⁷ *Гаджиев В.Г.* Сочинение Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся», как исторический источник по истории народов Кавказа. – М., 1979. – С. 242–253.

³⁸ *Глиноецкий Н.* Поездка в Дагестан, из путевых заметок веденных на Кавказе в 1860 г. // Военный сборник. 1862. Т. 23, 24.

³⁹ *Соллогуб В.* Изменения на лезгинской линии // ЗКОИРГО. – Тифлис, 1853. – Кн. 2.

⁴⁰ *М-цев М.* Краткий обзор Джаро-белоканского округа // Закавказский вестник. Тифлис, 1850. № 9.

⁴¹ *Колюбакин Н.* Об отношениях поселян к владельцам земли в Белоканском округе // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1848. – № 52.

⁴² О джарджах и лезгинских племенах на Кавказе. – СПб., 1858. – С. 38.

в них он касается быта джарцев, их обычного права и взаимоотношений с грузинами⁴³.

Среди статей о Цоре необходимо выделить материал И.О. Константинова «Джаро-Белоканцы до XIX столетия»⁴⁴. В статье автор основное внимание уделил юридическому и гражданскому быту закавказских аварцев, а также патронимической структуре джарского общества. Краткое освещение получили события первой половины XIX в., связанные с разгромом отряда генерала Гулякова в Джаре, а также завоевание Российской империей этого региона в 1830 году. Ценные материалы для изучения политической истории рассматриваемого региона имеются в трудах авторов XIX столетия Д. Бакрадзе⁴⁵ и А. И. фон-Плотто⁴⁶. В труде М. О. Коцебу⁴⁷ приводятся границы Джара, описывает административное и политическое устройство этого государства.

Характеризуя дореволюционную литературу, отметим, что большинство работ отличаются фрагментарностью и случайностью сообщаемых сведений. Одним из редких исключений является статья И. Линевича, при написании которой, кстати, были впервые использованы фирманы и иные документы, выданные шахами Ирана и султанами Османской империи султанам Елису. В то же время практически вся информация, доступная научному миру 2-й половины XIX – начала XX в., но не использованная по разным причинам в перечисленных выше трудах, – к примеру, данные переписей и картографический материал, рисующий этническую картину Закатальского округа, – продолжала игнорироваться и в исследованиях историков советской эпохи, в трудах которых сложно усмотреть попытки обнаружить себя на поприще выявления не использованных ранее материалов: русских, западноевропейских, а тем более восточных. Исключение составляют известные советские эпиграфисты-востоковеды, последователи Н.А. Ханькова, трудившиеся в Горном магале Дагестана и в пределах бывшего Закатальского округа – Л.И. Лавров⁴⁸, Т.М. Айтберов⁴⁹, А.Р. Шихсаидов⁵⁰, М.С. Неймат⁵¹.

⁴³ Отрывки из путешествия кавалера Гамбы в южную Россию, и особенно в области лежащие по ту сторону Кавказа // Северный архив. – СПб., 1827. Ч. 26, № 5 и Ч. 27, № 11.

⁴⁴ Константинов О.И. Джаро-Белоканцы до XIX столетия // Газета «Кавказ». – Тифлис, 1846. – № 2, 3.

⁴⁵ Бакрадзе Дм. Заметки о Закатальском округе // Записки кавказского отдела императорского русского географического общества (ЗКОИРГО). – Тифлис, 1892. Кн. XIV. Вып. 1.

⁴⁶ фон-Плотто А.Ф. Природа и люди Закатальского округа // Сборник сведений о кавказских горцах (далее ССКГ). – Тифлис, 1870. – Вып. IV.

⁴⁷ Коцебу М.О. Сведения о джарских владениях 1826 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. (далее ИГЭД). – М., 1958.

⁴⁸ Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. Надписи X–XVII вв. – М., 1966. – С. 300; Ч. II. Надписи XVIII–XX вв. – М., 1968. – С. 248; Ч. III. Надписи X–XX вв. Новые находки. – М., 1980. – С. 168.

Научная новизна работы обусловлена тем, что это первое комплексное исследование поселенческой культуры этнических дагестанцев Закавказья, выполненное на основе привлечения обширного полевого материала и новых архивных документов.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые:

- в научный оборот вводится географическое название Цор, как обозначение Алазанской долины;
- объектом изучения стали поселенческая культура населения Алазанской долины XVIII–XX вв.;
- выявлено три микрорегиона, в рамках которых различаются типология поселений, их формы, структура, социально-экономическая специализация и в целом расселение;
- определены основные тенденции развития поселенческой культуры в течение трех веков (XVIII–XX вв.).

Методологическая основа исследования. Методологической основой исследования является подход к анализу имеющихся фактов на основе соблюдения принципов **историзма**, который заключается в учете специфики, определяемой конкретными условиями общеисторического развития). Применение метода **сравнительности** дало возможность определить не только общие закономерности развития поселенческой культуры дагестанцев Цора, но и ее особенности в разных природно-географических зонах региона; проводилось также сопоставление по некоторым параметрам поселенческой культуры Цора с горной Аварией и в целом с Дагестаном, Грузией и Азербайджаном – для определения общих и специфических черт развития указанных регионов). Автор неизменно придерживался принципа **объективности** в стремлении всесторонне анализировать развитие поселенческой культуры, выявить основы ее функционирования, определить роль в хозяйственном освоении территории; были учтены выдвинутые в науке по данной проблеме точки зрения, привлечены источники различного происхождения и вида, обеспечивающие возможность изучения количественных параметров интересующих явлений и одновременно – содержательно-качественного их анализа; для получения из источников максимально разнообразной и обширной информации о сельской поселенческой сети использована совокупность конкретно-исторических и математико-статистических методов, помогающих найти ответы на поставленные вопросы. Принцип **проблемности** определил основные параметры настоящего исследования, так как изучение

⁴⁹ *Айтберов, Т.М.* Закавказские аварцы (VIII – начало XVIII вв.). – Махачкала, 2000. Ч. I. – С. 172; *Айтберов, Т.М., Хапизов Ш.М.* Елису и Горный магал в XII–XIX вв. (очерки истории и ономастики). – Махачкала, 2011. – С. 390.

⁵⁰ *Шихсаидов, А.Р., Айтберов, Т.М., Оразаев, Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. – М., 1993. – С. 302.

⁵¹ *Неймат М.С.* Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. II: Арабо-персoturкоязычные надписи Шеки-Закатальской зоны (XIV век – начало XX века). – Баку, 2001. – С. 368.

поселенческой культуры предполагает решение проблем типологии поселений, их топографии и структуры, а также условий их успешного функционирования в меняющихся социально-экономических условиях.

В основу работы был положен комплексный подход, позволивший привлечь для решения поставленных задач не только историко-этнографические данные, но и топонимический, фольклорный, статистический и прочий материал. Были использованы методы эмпирического исследования и методы, общие для эмпирических и теоретических изысканий: наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент, анализ, аналогия, а также исторический, дедуктивный и индуктивный методы.

При изучении процесса развития сети сельских поселений на протяжении XVIII–XX вв. стремление проследить изменения в поселенческой культуре, происходившие последовательно, потребовало учета ее исторических особенностей, сложившихся в XVIII в., изменения в типологии населенных пунктов, происходившие под влиянием политических и социально-экономических условий времени.

Историко-сравнительный метод был реализован через сопоставление численности и величины сельских поселений в разных географических зонах Цора и в регионе в целом в разные исторические промежутки изучаемого периода. Одновременно были выявлены черты сходства и различия в поселенческой культуре административно-территориальных единиц региона, поселения Цора сопоставлены с поселениями Дагестана, Азербайджана и Грузии.

Использование историко-типологического метода позволило соотнести социально-экономический статус населенных пунктов с их реальным экономическим значением в системе хозяйственных связей региона. Немаловажное значение в ходе исследования имели статистические методы, такие как метод обобщающих показателей, методы определения средних величин, типологической и аналитической (факторной) группировки статистических данных и др.

Источниковой базой исследования послужил значительный по объему материал, накопленный автором в ходе полевых работ с 2009 по 2013 годы. В ходе летней полевой работы в 2009, 2011 и 2013 годах, автор посетил многие населенные пункты этнических дагестанцев (аварцев, удин и цахур) в Кварельском, Лагодехском районах Грузии, а также Белоканском и Закатальском районах Азербайджана. Были проинтервьюированы старожилы и знатоки старины среднего поколения, а также главы администраций сельских муниципалитетов. Полевые материалы проверялись и дополнялись, если это было возможно, письменными источниками и литературными описаниями.

Была проделана значительная работа по выявлению материала в архивах Дагестана и Грузии. Особенно плодотворным оказалось исследование в Центральном историческом архиве Грузии (ЦИАГ), проведенное в мае-июле 2011 года. Особое внимание в ЦИАГе было

обращено на следующие фонды: 236 («Закатальская сословно-поземельная комиссия»), 231 («Сословно-поземельная комиссия канцелярии Управляющего военно-народной администрацией на Кавказе»), 1585 («Департамент начальника Джаро-Белоканского военного округа и Лезгинской кордонной линии»), 1638 («Комиссия по сбору данных о правах высшего мусульманского сословия в Закатальском округе») и 5 («Канцелярия начальника главного управления главноначальствующего гражданской частью на Кавказе 1859–1883 г.»). В качестве дополнительных источников были привлечены сведения арабоязычных хроник, актового материала, фольклорные данные и т. д.

Практическая значимость диссертации. Фактический материал, основные выводы и результаты диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории и этнографии Дагестана, Грузии и Азербайджана, при создании учебных пособий, подготовке специальных курсов и практических занятий, историко-этнографических атласов. Краеведческое значение темы определяется индивидуальными особенностями образования и функционирования каждого поселения, исторической обусловленностью его хозяйственных функций, административного значения, пространственно-планировочного и социокультурного развития. Изучение различных аспектов образования и развития населенных пунктов может заинтересовать исследователей «локальной» истории.

Положения, выносимые на защиту:

1. Цор (Алазанская долина) традиционно являлся важным в геополитике Кавказа регионом, повлиявшим на ситуацию на Восточном Кавказе, что во многом было обусловлено многогранностью политической системы данного микрорегиона. Начиная с XVI в. и вплоть до 1830 г. он входил в состав двух небольших государственных образований – т.н. Джарской «республики» и Елисуйского султанства, находившихся до начала XVIII в. во многом под влиянием Ирана, который отчасти способствовал их становлению. Но в дальнейшем Джар и Елису стали в большей степени частью единого дагестанского политического пространства, находясь под влиянием главным образом Аварского нуцальства. Вместе с тем, наличие на данной территории грузинского и тюркского населения, а также тесные и многогранные связи с Картли-Кахети и закавказскими ханствами, обуславливали большую включенность данного микрорегиона в восточнокавказские процессы. В 1830-1917 гг. эта территория, большую часть времени, была выделена в качестве особой, не входящей в другие области и губернии, административной единицы Российской империи, под названием Закатальский округ. В 1918-1921 гг. Закатальский округ во многом находился на перепутье, поскольку Горская республика (в т.ч. Дагестан), Грузинская демократическая республика и Азербайджанская демократическая республика считали его своей составной частью. В 1921-1991 гг. данный микрорегион был включен в состав Азербайджанской ССР, которая в свою очередь входила в состав СССР.

После развала этого государства, «по инерции» Закатальский округ остался в составе Азербайджанской Республики.

2. Аварцы и цахуры являются коренным населением данного микрорегиона и фиксируются в данном качестве еще в античных источниках начала н.э. В дальнейшем в ходе сложных политических процессов начался процесс постепенной ассимиляции авароязычного населения верховий левобережья Алазани и перехода его на грузинский язык, служивший основным средством церковной службы, а также общественно-политической жизни Грузинского царства, которое начало постепенный процесс расширения на восток. В XVII-XVIII вв. сюда мигрировали также тюркоязычные кочевые племена, осевшие первоначально в междуречье рек Иори и Алазани, а затем перешедшие и на левобережье Алазани. В итоге в XVIII-XX вв. население Цора было представлено дагестаноязычным (аварцы и отчасти цахуры), грузиноязычным (ингилойцы) и тюркоязычным (падары, лагичи и т.д.) населением.

3. В расселении дагестаноязычного населения Цора важную роль играли следующие факторы: близость источников воды, пахотных земель, пастбищ, оборонительный фактор, климатические условия и особенности рельефа. Таким образом, поселения Цора являются элементом материальной культуры, связанным с природно-географическими условиями, социально-экономическим развитием общества, культурно-бытовым укладом населения.

4. Топография дагестаноязычных поселений Цора заметно отличалась от поселений горного Дагестана, Восточной Грузии или закавказских ханств, располагавшихся на территории современного Азербайджана (АР). Поселения этнических дагестанцев в этом регионе, в основном, состояли из нескольких сотен дворов и имели свободную разбросанную планировку, а усадьбы были обширными и включали в себя фруктовые и тутовые сады, виноградники, огороды и сенокосные угодья. Центральным компонентом жилой части поселения – селитьбы в большинстве населенных пунктов Цора служило специальное место для сельского схода, своего рода центральная площадь – *гудеклан*. В цорских селениях гудеканы располагались обычно в специальном огороженном примечетском дворе. Для этих целей вокруг мечетей огораживались значительные территории, размер которых зависел от количества жителей в данном поселении. В крупных селениях помимо центральной имелись и квартальные площади. Сами кварталы в массе своей являлись уменьшенными копиями самого селения, имевшими свои мечети, гудеканы и кладбища. Важным элементом топографии поселения являлись своего рода внутрисельские жилые замки (*hin*). Это укрепленный жилой комплекс, окруженный каменной стеной и состоящий из боевой башни, с примыкающим к нему укрепленным жилищем с бойницами. Эти *hini* в отличие от грузинских и азербайджанских поселений были в каждом

аварском селении и в основном являлись принадлежностью того или иного рода, населявшего определенный квартал.

5. В XVII – начале XX в. в Цоре основными формами поселения были следующие: **скученная** (сюда входят и скученно-террасная, кучевая или гнездовая и скученно-квартальная формы), **усадебно-разбросанная** и **уличная**.

6. В Цоре имеются следующие обозначения населенных пунктов в зависимости от их рельефного положения и хозяйственно-экономической специализации: *росу* (стационарное поселение), *тала* (поселение, обычно хутор, возникшее первоначально в лесу, на очищенной от деревьев площади), *къара* (поселение, расположенное в лощине, межгорной котловине), *тахида* (поселение, расположенное на небольших водораздельных плато), *кули* (хутор в горной и предгорной части Цора, где содержится крупный рогатый скот), *мархьу*, *махьу* (хутор в горах и предгорье, где содержатся овцы и козы), *бина* (хутор, возникший на зимних пастбищах, местный аналог дагестанского термина *хьутан*). К средневековым городам и торговым центрам местные аварцы наряду с общеаварским *шагьар* обычно применяют обозначение, состоящее из названия самого населенного пункта, с добавлением *-базар*. К примеру, Джар (ныне город Закатала) старшее поколение даже сейчас называет *Чар-базар*, а средневековое городище Загеми – *Кьумур-базар*.

7. После включения Цора в состав Российской империи в 1830 г. началось значительное по масштабам переселение жителей укрепленных поселений, расположенных в труднодоступных горных ущельях на приалазанскую равнину путем образования новых поселений. Таким образом, власти пытались добиться ликвидации «очагов сопротивления» в виде наиболее укрепленных населенных пунктов Цора. Новый импульс этот процесс приобрел в советский период, когда преобразование сельского расселения стало рассматриваться в основном через призму «перспективности» или «неперспективности» населенных пунктов. Укрупнение поселков считалось одним из существенных вопросов перестройки расселения. Эта доктрина основывалась на том, что крупные населенные пункты лучше приспособлены к социалистической системе сельского хозяйства, создают больше возможностей для достижения высокого уровня благоустройства и всех видов обслуживания. В рамках осуществления этой программы большинство горных и труднодоступных поселений в Цоре исчезли, а их жители переселились на приалазанскую равнину.

8. На архитектуре цорских селений отразилась в числе прочих и форма общественного устройства. Как известно, наличие башен, как боевых, так и сигнальных, является характерным для «вольных» обществ, из которых состояла Джарская «республика». Поселения Цора чаще всего были сформированы из отдельных, хорошо укрепленных «замков» (авар. – *гьин*) и усадеб, служивших опорными пунктами при обороне селения. Чаще всего они строились на наиболее нуждавшихся в обороне участках окраин

селения, однако позже – во второй половине XIX – XX вв., оказывались в центре поселений (по мере их разрастания). Помимо них на окраинах аварских селений или чаще за их пределами стояли одинокие башни без дополнительных фортификационных или жилых строений, называвшиеся *си* и игравшие преимущественно роль сигнальных постов и сторожевых башен. В феодальных же владениях Кавказа, где политическая власть была централизована, стремление к недоступности каждого дома или селения выражена слабее. В них, в случае необходимости, принимались меры к защите общества в целом.

9. Процесс преобразования традиционного жилища в Цоре в течение XX – начала XXI вв. затронул как его сущность, так и все компоненты. Главными строительными материалами в сельских поселениях Цора остаются камень и дерево, однако все большее распространение получает кирпич и шлакоблок. К тому, же если раньше камень и дерево обеспечивали строительство дома почти полностью, то теперь все большее место в отдельных конструкциях и компонентах жилища занимают прочие материалы – черепица, шифер, кровельное железо, металлочерепица, железные и бетонные балки, цемент, фанера, прессованный картон, электропровода, металлические и пластмассовые трубы и т. д.

Апробация исследования. Основные положения диссертации получили апробацию в ходе участия в следующих международных конференциях:

1. Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»; 24–28 июня 2009 г., Тбилиси (Грузия).
2. Международная научная конференция «Тюркский мир, Кавказ и Иран – перекрестки цивилизационных связей»; 10–12 июля 2009 г., Цахкадзор (Армения).
3. Международная научная конференция «Критика и анализ исследовательских работ по Азербайджану и Арану»; 25–26 мая 2010 г., Ардебиль (Иран).
4. Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»; 27-30 сентября 2010 г., Тбилиси, Гори и Батуми (Грузия).
5. II Международный конгресс кавказоведов; 9–12 ноября 2010 г., Тбилиси (Грузия).
6. Международная научная конференция «Грузино-дагестанские культурно-исторические связи»; 4–6 мая 2011 г., Тбилиси (Грузия).
7. II Международная конференция по талышским исследованиям; 12–13 ноября 2011 г., Ереван (Армения).
8. Международный научный симпозиум «Историография и источниковедение Востока», посвященный 90-летию Зии Муса оглы Буниятова; 7-8 мая 2012 г., Баку (Азербайджан).
9. Международная конференция по автохтонным народам Кавказско-Каспийского региона; 5-7 октября 2012 г., Ереван (Армения).

10. Международная конференция «Ширван, Арран и Азербайджан: историко-культурная ретроспектива»; 1-2 ноября 2013 г., Ереван (Армения).

В рамках работы над диссертацией изданы три научные монографии. Первая – это «Поселения Джарского общества (историко-географическое и этнографическое описание историко-культурного микрорегиона в Восточном Закавказье)». В соавторстве с Т.М. Айтберовым подготовлена монография «Елису и Горный магал в XII–XIX вв. (очерки истории и ономастики)». Третья монография «Тленсерух в конце XVIII – XIX вв.: Историко-документальное исследование (на основе изучения материалов коллекции Усман-дибира ал-Ири)» написана в соавторстве с М.Г. Шехмагомедовым и Д.М. Маламагомедовым.

В ходе работы над диссертацией было опубликовано более 30 научных статей в отечественных и зарубежных журналах и сборниках статей.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, 10 параграфов, заключения, а также библиографического списка использованных источников и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении раскрывается актуальность заявленной темы диссертации, определены цель и задачи, объект и предмет исследования, указаны хронологические и географические рамки работы, выбрана методологическая основа, рассмотрена степень изученности проблемы, дана характеристика источниковой базы, показана научная новизна и практическая значимость исследования. В работе содержатся сведения о научной апробации исследования и перечень положений, выносимых на защиту.

Первая глава «Основные этапы этнической истории Цорского региона» состоит из четырех параграфов, которые посвящены исследованию физической географии Цора, его этнической истории и этнодемографическим процессам, протекавшим здесь в XVIII–XX вв. Это введение в объект исследования было обусловлено малой изученностью данного региона и особенно его этнической демографии, поскольку население Цора представлено различными национальными и конфессиональными общностями. Аварцы, грузины, тюркоязычное население (ныне – азербайджанцы), цахуры и другие малочисленные народы исповедуют подчас как ислам, так и христианство и разобраться в этой сложной этно-конфессиональной мозаике непросто.

§ 1.1. «Природно-географические условия».

Исторически Алазанская долина, известная среди местного населения как Цор (*Цор*) или передний Цор (*Цебе Цор*) являлась регионом проживания аварцев Закавказья. Одновременно надо заметить, что

С. Сулейманова пишет, что на аварском языке Цор означает «предгорье, равнина» Закавказья⁵².

Автор считает наиболее вероятным происхождение топонима *Цор* от распространенного в некоторых южных диалектах аварского языка слова *цлури*, являющегося синонимом общеаварского слова *жаниблы*⁵³ («долина»⁵⁴, «котловина»). Обозначая долину реки Алазани, аварцы вполне могли использовать термин *цлури* (*цлоро*), так же как прикаспийскую равнину называли просто *лъараглы* («равнина»). Географический термин *цлури* нередко встречается в топонимии горной Аварии (к примеру, административный центр Чародинского района *Цуриб* – «в долине»), и потому вполне допустимо его применение и в Закавказье.

Рельеф местности Цора во многом определяется Главным Кавказским хребтом, который величественно окаймляет округ с северо-восточной стороны. Он спускается к реке Алазани крутыми скатами, давая истоки многочисленным протокам, образующим реки, впадающие в Алазани. Эта река (длина – 413 км, площадь водосбора – 16 920 кв. км) – является главной водной артерией Цора⁵⁵, население которого иногда называет его *Ральад* – «море».

В топографическом отношении аварский Цор (Закатальский округ Российской империи) можно разделить на две части: северную – горную, представляющую собою южный склон Главного Кавказского хребта, и южную – низменную. Горная часть пересечена многочисленными ущельями и горными кряжами, покрыта альпийской растительностью и богата летними пастбищами для крупного и мелкого рогатого скота⁵⁶. Южный склон Главного Кавказского хребта очень крут, образует множество скалистых и узких ущелий, покрыт лесами и дает начало многочисленным речкам, стекающим к Алазани, которые, разливаясь при таянии снегов в горах и дождях, образовывали в низменности ныне уже осушенные болота. Вместе с тем речки эти имеют важное ирригационное значение. Орошение полей производится почти исключительно из небольших левых притоков Алазани, сама же река, протекающая в довольно высоких берегах, не имеет ирригационного значения. Средняя часть аварского Цора до Алазани и ее притока Айри-чая слегка наклонена к Алазани и представляет, в общем, ровную местность, отлично орошенную речками, стекающими с Главного

⁵² Сулейманова С.А. Этнополитическая история северо-западной Албании в свете архетипов в местных источниках // Известия НАН Азербайджана. Серия истории, философии и права. – Баку, 2004. – № 4. – С. 57.

⁵³ Асадулаев А. История села Гиндиб. – Махачкала, 2003. – С. 14 (на авар. яз.).

⁵⁴ Аварско-русский словарь / сост. М. Саидов. – М., 1967. – С. 224.

⁵⁵ Цифровые данные см. Советский Азербайджан / под ред. М.М. Алиева. – Баку, 1958. – С. 106.

⁵⁶ Весь Кавказ (промышленность, торговля и сельское хозяйство Северного Кавказа и Закавказья) / составил и издал М.С. Шапсович. – Баку, 1914. – С. 465.

Кавказского хребта⁵⁷. Это самая благоприятная в природно-климатическом отношении часть округа. Кроме того, трудами местного населения многие горные ущелья были превращены здесь в цветущие сады⁵⁸.

Что касается южной, низменной части округа, то ее, в свою очередь, можно разделить на две части: северную, до реки Алазани, и южную, расположенную южнее нее. Первая слегка наклонена к Алазани, хорошо орошена стекающими с Главного Кавказского хребта многочисленными речками и богата растительностью, вторая – степная, летом представляет собой безводную, выгоревшую пустыню, но зимой дает подножный корм для скота. Климат в нагорной полосе умеренный, а в низменной, защищенной гигантской стеной Главного Кавказского хребта от влияния холодных северных и восточных ветров, жаркий. При этом в низменности вплоть до середины XX в. «благодаря болотам и постоянно искусственно наводняемым рисовым, или, как здесь называют, чалтычным полям свирепствует малярия»⁵⁹.

Кроме того, южная часть Кахского района, вдававшаяся клином между Шекинским районом Азербайджана и Дедоплисцкарским районом Грузии и расположенная по левую сторону Алазани к югу от впадения Айри-чая, представляет собой безводную, слегка волнистую, а местами ровную степь. Она почти не имеет населения и пригодна практически только для сезонного животноводства – зимних пастбищ. Таким образом, почти весь исторический Цор принадлежит к бассейну Алазани и расположен большей частью по левую ее сторону.

§ 1.2. «Ранние этапы этнической истории Цора».

В историографии высказаны две точки зрения по вопросу о генезисе дагестаноязычного населения долины Алазани. Согласно одной из них, оно является поздним этническим элементом в регионе⁶⁰. Так, по мнению Р. Гусейнзаде «в условиях крайнего малоземелья в Хунзахе, как и вообще в горном Дагестане, аварцы еще в XVIII веке стали переселяться в соседний Северный Азербайджан»⁶¹. Эта точка зрения нам представляется

⁵⁷ *Бакрадзе Дм.* Заметки о Закатальском округе // Записки кавказского отдела императорского русского географического общества (ЗКОИРГО). – Тифлис, 1892. Кн. XIV. Вып. 1. – С. 2–3.

⁵⁸ *Берзенов Н.* Краткий исторический и географический указатель достопримечательных местностей по Кахетии, Закатальскому округу и частью по Бакинской и Тифлисской губерниям. – Тифлис, 1864. – С. 18–19.

⁵⁹ *Весь Кавказ...* – С. 465.

⁶⁰ *Алиева С.И.* Народы Северного Кавказа в истории северо-западного Азербайджана в XVIII в. // Труды института истории Азербайджана. – Баку, 2007. Т. XX. – С. 120.

⁶¹ *Гусейнзаде Р.* Аварцы в Азербайджане // Журнал «İRS – Nasledie». – Баку, 2007. – № 6. – С. 12–14.

Единственное указание на миграцию аварцев из Хунзаха в Алазанскую долину встречается у Н. Яковлева, согласно которому жители укрепленного аула на горе Чинамеэр, расположенном на Хунзахском плато, «после нападения арабов бежали в Закаталы» [*Яковлев Н.* Новое в изучении Северного Кавказа (Предварительный отчет о

необоснованной и бездоказательной. В то же время в современном кавказоведении большинство исследователей разделяет мнение о том, что дагестаноязычные народы являются коренным населением на западных и южных склонах Главного Кавказского хребта, в том числе и в Алазанской долине⁶². Данная точка зрения имеет весомые доказательства, опирающиеся на данные археологии, нарративных источников, этно- и топонимии региона.

Коренное население части Алазанской долины и прилегающих склонов Главного Кавказского хребта упоминается еще в I в. н. э. у Плиния Старшего под именами лпинов и сильвов: «...С другой стороны, начиная от границ Албании, по всему челу гор (живут) дикие племена сильвов, а ниже лупении (лубиении) – затем дидуры и соды»⁶³. Согласно концепции ряда азербайджанских исследователей, «наследниками племен лбинов и сильвов», живших в Кавказской Албании и составлявших одну из ее областей – Лпин, являются кавказские аварцы⁶⁴. Сведения армянских историков раннего средневековья позволяют считать царство лпинов – Лпинк – одним из важных христианских государств Закавказья: царь этой страны получает послание Йездигерда II так же, как и армянский, иверский

работах Дагестано-Чеченской экспедиции 1923 г. в Дагестане) // Журнал «Новый Восток». – 1924. – Кн. 5. – С. 244–245].

⁶² *Джавахишвили И.* Введение в историю грузинского народа. Кн. I: Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. – 1950. – С. 248; *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. – Тбилиси, 1959. – С. 120–125; *Дьяконов И.М.* Языки древней Передней Азии. – М., 1979. – С. 23; *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / пер. с древнегрузинского, пред. и ком. Г.В. Цулая. – М., 1979. – С. 42; *Мухелишвили Д.Л.* Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарена). – Тбилиси, 1982. – С. 17, 19, 24, 28; *Мухелишвили Д.Л.* Город Уджарма (К историческим взаимоотношениям Иберии и Албании) // Сборник по исторической географии Грузии. – Тбилиси, 1964. Т. II. – С. 59–70; *Крымский А.Е.* Низами и его современники. – Баку, 1981. – С. 390; *Крымский А.Е.* Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании) // Сборник статей в честь С.Ф. Ольденберга. – Л., 1934. – С. 289–305; *Крымский А.Е.* Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании, Шеки) // Сборник, посвященный памяти академика Н.Я. Марра. – М.; Л., 1938. – С. 369–384; *Гейбуллаев Г.А.* Топонимия Азербайджана (Историко-этнографическое исследование). – Баку, 1986. – С. 77–80, 83–85; *Джафаров Ю.Р.* О локализации «страны» чилбов и лбинов // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа. – Махачкала, 1991. – С. 59; *Новосельцев А.П., Паицто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). – М., 1972. – С. 33; *Халаев З.А.* Этнополитическая и культурно-религиозная история дагестаноязычных народов Алазанской долины в XVI–XVIII вв.: автореф. дис. ... кандидата исторических наук. – Махачкала, 2009. – С. 13.

⁶³ *Plinii Naturalis Historia. Liber VI, XI.* – London, 1969. – P. 29.

⁶⁴ *Гейбуллаев Г.* К этногенезу азербайджанцев. – Баку, 1994. – С. 151–152, 154; *Сумбатзаде А.С.* Азербайджанцы – этногенез и формирование народа – Баку, 1990. – С. 82.

и албанский цари⁶⁵.

Резюмируя вышеизложенное, сложно согласиться с мнением, согласно которому аварцы являются в Цоре пришлым народом. Более реальным представляется, подтверждаемый историческими данными⁶⁶ вывод Р. Магомедова, который указал на имевший место в XVI в. отток аварского населения из Дагестана. Однако «спустившиеся с вершин горцы селились по соседству со старожилами-дагестанцами на левой стороне р. Алазани»⁶⁷, т. е. цорские аварцы, в основной своей массе – автохтонное население в долине Алазани.

В § 1.3. «Этнокультурные процессы в Цоре в XVII–XX вв.» показано, что до начала XVII в. местное дагестаноязычное население – аварцы – были во многом подвержены влиянию грузинского языка и культуры и являлись поданными грузинских царей.

В начале XVII века (1616 г.) большая часть населения Алазанской долины была выселена в Иран войсками иранского шаха Аббаса I⁶⁸. Особенно значительный ущерб понесла столица Кахети – город Загеми, располагавшийся на территории современного Закатальского района АР, недалеко от аварского сел. Тала. Жители Загеми в количестве 3 000 семей были поселены в Мазандеране⁶⁹. Они, по донесениям посланца Ватикана Пьетро делла Валле папе Урбану VIII, были представлено «грузинами и черкесами, кои проживали в землях Теймураза I⁷⁰, от них (грузин. – *Х.Ш.*) неподалеку и стали уже его вассалами, совместно с грузинами, с которыми жили они, породнившись»⁷¹. «Черкесы» из Кахети преимущественно оказались расселены в Фарсе⁷², где их поселения в 1621 г. проезжал Пьетро дела Валле. В 1627 г. о живущих здесь «черкесах» и грузинах пишет Томас Герберт⁷³.

Современные грузинские исследователи Г. Жордания и З. Гамезардашвили склонны понимать под «черкесами» кабардинцев⁷⁴. Однако кабардинцы в значительном количестве на территории Грузии,

⁶⁵ *Акопян А.А.* Албания–Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. – Ереван, 1987. – С. 85.

⁶⁶ *Петрушевский И.П.* Джаро-Белоканские вольные общества... – С. 35.

⁶⁷ *Магомедов Р.М.* История Дагестана. – Махачкала, 1961. – С. 148.

⁶⁸ *Малик Шах-Хусайн Систани.* Хроника воскрешения царей / пер. с персидского, пред., комм. и указатели Л.П. Смирновой. – М., 2000. – С. 392; *Берадзе Г.Г., Смирнова Л.П.* Материалы по истории ирано-грузинских взаимоотношений в начале XVII века (Сведения "Ихйа ал-мулук" о Грузии). – Тбилиси, 1988. – С. 90.

⁶⁹ *Bellan Lucien-Louis.* Shah Abbas I. – Paris, 1932. – P. 230.

⁷⁰ Царь Кахети (1606–1648) и Картли (1625–1632).

⁷¹ *Жордания Г., Гамезардашвили З.* Римско-католическая миссия и Грузия. – Тбилиси, 1994. – С. 362–363.

⁷² *Pietro dela Valle.* Travels in Persia // Voyages and Travels / ed. Be John Pinkerton. – London, 1811. – Vol. IX. – P. 100–101.

⁷³ *Sir Thomas Herbert.* Some years travels into divers parts of Africa and Asia the Great. – London, 1677. – P. 152.

⁷⁴ Там же. – С. 389. Прим. 103.

особенно восточной, никогда не жили, да и в состав государства Теймураза не входили. Вместе с тем «Черкасией» и восточные, и европейские авторы в то время всегда называли весь Северный Кавказ с приморским Дагестаном, а черкесами почти все население Северного Кавказа⁷⁵. Таким образом, со значительной долей уверенности можно утверждать, что под «черкесами» Пьетро делла Валле подразумевал именно христианское авароязычное население Кахети, находившееся под властью грузинских царей и подвергнувшееся в значительной степени языковой и культурной ассимиляции.

После опустошения населения восточной части Кахети, Алазанская долина стала заселяться двумя миграционными потоками. В северную часть левобережья Алазани из Пшави, Картли, Хевсурети, Гушети и других грузинских областей началась крестьянско-дворянская миграция, а в восточную часть направился поток из горных аварских поселений. Граница между аварцами и грузинами к началу XVIII века установилась западнее «Гавазской реки» и по реке Иори, что было зафиксировано в фирмане султана Османской империи Ахмеда III от 1728 года⁷⁶.

Население Джарской «республики» и Елисуйского султаната, согласно источнику XIX в., состояло в этническом плане из «трех разнообразных частей: Джаров, Мугалов и Ингилаев. Джары, происхождения Лезгинского, никогда не переставали быть в дружественных и родственных сношениях со своими горскими соседями; владея некогда страной, они красивы, богаты и хорошо вооружены, отличаются умом, отвагою, гордостью, доходящей до раздражительности; нравы их по преимуществу военные; ведя непрестанную войну с Грузинами, они умели, успехами своего оружия, сохранить независимость и внушить уважение соседям. Мугалы (большей частью этнические турки. – *X.Ш.*), прежние данники Джаров, большей частью Мусульмане, выселившиеся или по страсти к приключениям и хищничеству, или уклоняясь от преследований правосудия. Ингилаи (грузины. – *X.Ш.*)... образовались из военнопленных и переметчиков, давно подчиненных Джарам»⁷⁷.

В отличие от той части Алазанской долины, которая вошла в состав Азербайджана и где аварское население проживало оседло, в современной грузинской ее части аварское население было представлено в массе своей общинами, которые 9–10 месяцев в году жили в приалазанских селениях, а 2–3 месяца – в горных селениях на территории Дагестана. В горы обычно приезжали весной, засеивали поля, снимали урожай и к осени, к первым снегам спускались в свои равнинные селения. Однако и в данном случае перекочевка не была полной, в обоих случаях был постоянно живущий на

⁷⁵ *Петрушевский И.П.* Государства Азербайджана в XV в. // Сборник статей по истории Азербайджана. – Баку, 1949. Вып. I. – С. 185; Путешественники об Азербайджане / сост. З.И. Ямпольский, под ред. Э.М. Шахмалиева. – Баку, 1961. Т. I. – С. 379.

⁷⁶ *Сулейманова С.* Археографические документы XVIII – XIX вв. из Закатальского историко-краеведческого музея // Известия Азербайджанской Академии Наук (серия истории, философии и права). – Баку, 1990. – № 4. – С. 53–54 (на азерб. яз.).

⁷⁷ *М-цев М.* О джарджах и лезгинских племенах на Кавказе. – СПб., 1858. – С. 4.

равнине или в горах значительный контингент населения. При этом селения, которые были расположены в долине Алазани, население воспринимало как свои хутора, а горные селения – как метрополии.

В § 1.4. «Демографические и языковые процессы в Цоре (XX–XXI в.)» показано, что перед завоеванием территории Восточного Закавказья Российской империей на территории современного Азербайджана жило около 520 тысяч человек, в том числе в Джарской «республике» и входившем в её состав на конфедеративных началах Елисуйском султанате – 47 тысяч жителей (35 в Джаре и 12 в Елису)⁷⁸, то есть около 9 % общего населения, жившего на территории современного Азербайджана на рубеже XVIII–XIX вв. Из 47 тысяч жителей, по данным 1826 г., «коренные магометане, составляющие 2/3 народонаселения во владениях Чарских... суть лезгины»⁷⁹, то есть численность аварцев составляла около 32 тысяч аварцев или 6 % населения территории современного Азербайджана. К 1908 г. численность аварцев, по официальным данным, на Кавказе достигла 234 тысяч человек, в т. ч. в Закатальском округе – 47 тысяч человек⁸⁰.

После вхождения в 1920 г. Закатальского округа в состав АзССР численность аварцев снизилась более чем в два раза. Исследователи отмечают явное несоответствие официальных данных переписи 1926 г. реальным цифрам. А.Р. Махмудов пишет, что «статистика аварцев в Закатальском и Белоканском районе весьма неточна. Очень неточны, в частности, материалы переписи 1926 г.»⁸¹. По его утверждению, большинство аварцев записано азербайджанцами, что впрочем происходило и с другими автохтонными народами Азербайджанской ССР, исповедовавшими ислам.

Эта практика наблюдалась и позднее, что породило несоответствие между официальными данными переписей Азербайджана и реальной численностью народа. Если по официальным данным численность аварцев составляет около 50 тысяч человек, то по подсчетам исследователей численность знающих аварский язык и имеющих аварское самосознание в АР на данный момент составляет около 160–170 тысяч человек⁸².

⁷⁸ *Велили (Бахарлы) Мамедгасан.* Этнография Азербайджана // Азербайджан и азербайджанцы в мире. – Баку, 2009. – № 2. – С. 11.

⁷⁹ *Коцебу М.А.* Сведения о джарских владениях. 1826 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы / под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева (ИГЭД). – М., 1958. – С. 263.

⁸⁰ Кавказский календарь на 1910 г. – Тифлис, 1909. Ч. I. – С. 548.

⁸¹ *Махмудов А.Р.* Краткий грамматический очерк закатальского диалекта (фонетика, морфология, тексты с комментариями) // Рукописный фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Д. 56. – С. 4.

⁸² *Алексеев М., Казенин К., Сулейманов М.* Дагестанские народы Азербайджана. М., 2006. С. 31; *Айтберов Т.М.* Закавказские аварцы // Народы Дагестана. – Махачкала, 2002. – № 1. – С. 19; *Гусейнова Б.М.* Расселение дагестаноязычных и других народов... – С. 3–4.

В 2005 г., по официальным данным районного статкомитета, аварцы составляли 35 % населения Белоканского района, а азербайджанцы – 63 %⁸³. В то же время, по данным переписей 1999 г. и 2009 г. аварцев – 29 и 28 % соответственно. Более того, данные, полученные с мест, по неофициальным источникам, говорят о том, что аварцев в районе – более 70 % населения⁸⁴, около 3% составляют грузины и около 25% - азербайджанцы.

В Закатальском районе есть муниципалитеты, в которых и по официальным, и по реальным данным почти все (95–100 %) жители являются аварцами и основным язык и дома, и на улице, – аварский. Это муниципалитеты Джар (около 5 тысяч жителей в селениях Джар, Глебелуба, Цилбан, Ахвах-дара), Динчи (более 7 тысяч жителей в селении Динчи), Макав (5 тысяч жителей в селениях Макав, Пашан, Гоабтала, Вохрабтала, Нухбик, Абаали), Эхеди Чардах (2,3 тысячи человек в селении Эхеди Чардах), Бехе Чардах (1,5 тысячи жителей в селениях Бехе Чардах и Халатолиб, в последнем хуторе много азербайджанцев и цахур), Мацех (2,2 тысячи жителей в селениях Мацех, Кибиц, Жагнаб, Берет-росу), Халабтала (700 жителей в селении Халабтала).

Вместе с тем аварцы составляют около 90 % в муниципалитетах Эхеди Тала (8 тысяч жителей в селениях Эхеди Тала, Чимчар (37 семей цахур), Чудулоб и Лагадух) и Гугам (4,2 тысячи жителей в селениях Гугам, Чукак, Дартуказ и Сумали, в последнем много азербайджанцев). Соответственно аварский язык является главным языком внутрисельского общения, однако по официальным данным, большинство населения здесь составляют азербайджанцы. Почти такая же ситуация и в муниципалитете Битди Тала (2,2 тысячи жителей в 7 селениях, из которых более 70 % – аварцы), с той, однако, разницей, что процесс ассимиляции в языковом отношении здесь зашел дальше.

Аварцы, правда, ассимилированные в языковом отношении и отчасти в плане самосознания, составляют не менее половины и в муниципалитетах Бехе Тала (6,5 тысячи жителей), Мухах (7,5 тысячи жителей), Загам (0,8 тысячи жителей). В многонациональном поселке Аракиб (около 600 жителей) аварцы составляют около 40 % населения. Наряду с ними живут турки-месхетинцы (до 20 %), цахуры (до 20 %), азербайджанцы (менее 10 %), иранцы, терекемейцы, русские и другие этнические группы. Такой же многонациональный состав населения характерен и для поселка Чайдиб (около 800 жителей), который расположен на западной окраине города Закатала. Правда, здесь доля азербайджанцев и цахур в структуре населения выше, а аварцев – ниже, чем в Аракибе.

⁸³ Clifton J.M., Tiessen C., Deckinga G., Mak J., Lucht L. The sociolinguistic situation of the avar of Azerbaijan. – P. 5

⁸⁴ Саидова П.А. Чарско-белоканские говоры аварского языка. – Махачкала, 1976. – С. 4 // Рукописный фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 4. Д. 393. – С. 39; Гусейнова Б.М. Расселение дагестаноязычных и других народов... – С. 4;

Около 20 % населения аварцы составляли в советские времена в селении Кандах (1,6 тысячи жителей), правда, сейчас доля аварцев упала здесь почти до 10 %. До 10 % населения аварцы составляют и в муниципалитете Щобдакули (селения Щобдакули, Кумур, Базар). По 2–5 % аварцев – в остальных равнинных селениях. Во всех них аварцы в большинстве своем являются потомками переселенцев из Дагестана.

Грузины–мусульмане составляют по 95 % населения в селениях Алиабад (9 тысяч жителей), Мосул (3 тысячи жителей) и Инхиан (1,3 тысячи жителей). Правда, в последнем главным языком внутрисельского общения является азербайджанский, а функции грузинского ограничиваются внутрисемейным общением менее половины хозяйств.

Более 95 % населения азербайджанцы составляют только в селениях Муганлы (2,5 тысячи жителей) и Фалдарлы (1,8 тысячи жителей). В муниципалитете Верхиан (4,4 тысячи жителей в селениях Верхиан и Курдамир), а также в селении Легвиан (другое название – Капанакчи, 1 тысяча жителей), азербайджанцы также составляют около 95 % жителей, однако в обоих селениях большинство составляют ассимилированные в начале XX века грузины.

Цахурскими (более 90 % жителей) можно назвать муниципалитеты Сувагил (4,6 тыс. жителей в селении Сувагил), Гудбарах (1,9 тыс. жителей в селении Гудбарах), Мамрух (2,2 тыс. жителей в селениях Мамрух, Джимджимах и Аласкар: во всех трех селениях есть аварские тухумы, а в Джимджимахе главным языком является азербайджанский) и Битдиб (другое название – Али-Байрамлы; 2,8 тыс. жителей в селениях Битдиб, Калал, Каркай и Азгил, в последнем, правда, главным языком является азербайджанский).

Менее половины населения цахуры составляют в муниципалитете Лагич, в котором проживает около 2 тысяч жителей. В том числе 1,7 тыс. жителей живут в сел. Лагич, в котором цахуры составляют около 30 % и около 300 человек в сел. Сабунчи, которое является чисто цахурским населенным пунктом. До 1/3 населения цахуры составляют в Мухахе, Загаме и Чайдибе. Около 20 % их в Халатолиб и Аракиб. Около 10 % цахур в муниципалитете Щобдакули. До 5 % цахур (ассимилированные аварцами или азербайджанцами) – в муниципалитетах Эхеди Тала, Бехе Тала, Битди Тала, Гугам. В городе Закатала с 20-тысячным населением аварцев, по нашим данным, – 58 %, азербайджанцев – 22 %, цахур – 15 %, грузин – 2 %. В целом в Закатальском районе аварцы также составляют чуть больше 50 % населения, тогда как азербайджанцев здесь – 25 %, цахур – 14 % и грузин – 11 %.

В Кахском районе аварцы проживали в основном в горной и предгорной зонах, где они составляли основное население, в равнинных селениях почти нигде аварцы в XIX–XX веках большинства населения не составляли. Как пишет исследователь Б. Гусейнова, «в пределах Кахского района АР (1494 кв. км, 51 тыс. чел.) дагестаноязычное древнее население, говорившее – как указывают русские по происхождению источники, – на

аварском языке, подверглось к середине XX в. практически полной ассимиляции в форме азербайджанизации... В 80-е же годы позапрошлого (XIX в.) столетия авароязычные «лезгины» были там, что небезынтересно, самой крупной этнической общиной – численностью примерно в 12,5 тыс. душ (54 %) при 6400 душ «татар», то есть азербайджанцев»⁸⁵. В 1886 г. аварцев в районе было 2130 дворов, «адербейджанских татар» – 1246 дворов и грузин – 627 дворов⁸⁶. На сегодня по Кахскому району азербайджанцы составляют 65 % населения, грузины-христиане и цахуры – по 15 % и аварцы – около 5 %.

Этно-демографическая ситуация в населенных пунктах Кварельского и Лагодехского районов Грузии в XX-XXI вв. отличалась не меньшей сложностью. Аварцы во время переписи 1926 г. в Грузии были записаны «лезгинами». Всего таких «лезгин», по переписи 1926 г., в Телавском уезде оказалось 2 795 человек (2,7 % населения уезда). Практически все они (2 658 человек) проживали в своих населенных пунктах, входящих в теми (сельсовет) Дзвели-Гавази (ныне Ахалсопели), в котором они составляли 32,5 % населения. Всего в Грузии на 1926 г. проживало более 3-х тысяч аварцев – в массе своей сельских жителей.

К 1940-м гг. аварцы остались в Тиви, Тебелджохи и долине Ареши, где располагались селения бежтинцев и гунзибцев. 18 мая 1944 г. вышло постановление Совнаркома СССР № 546 «О переселении в Дагестанскую АССР дагестанцев, проживающих в Грузинской ССР», в соответствии с которым Совнаркому Грузинской ССР было разрешено переселить из Кварельского района в районы бывшей Чечено-Ингушской АССР, отошедшие (в феврале 1944 г. после ликвидации ЧИАССР и депортации чеченцев) к Дагестанской АССР, все хозяйства дагестанцев, проживающих в Кварельском районе Грузинской ССР. Всего было переселено 516 хозяйств, 1808 человек, по другим данным – 633 хозяйства, 2035 человек. Избежали насильственного переселения лишь те, которые бежали в Белоканский район Азербайджана. Оказавшись в новых климатических условиях, многие переселенцы погибли от тифа и малярии. В 1956–1957 гг. в связи с этим последние обратились к руководству Грузии с просьбой разрешить им вернуться на свои земли в населенных пунктах в Кварельском районе. Их просьба была удовлетворена, но земли не были возвращены. Аварцы были поселены на болотистые пустыри, которые 15–20 лет им пришлось осушать и облагораживать. Здесь образовались 4 аварских населенных пункта: Тиви, Чантлискуре, Сарусо и Тхилисцкаро (в последнем аварцы уже не живут)⁸⁷.

В настоящее время аварцы в Грузии компактно расселены в трех селениях и одном городе. Селения эти Тиви (аварское название *Гургин-росу*

⁸⁵ Гусейнова Б.М. Расселение дагестаноязычных и других народов... – С. 4–5.

⁸⁶ Там же. С. 40.

⁸⁷ Рамазанова Д.Ш. Обреченные на переселение: Кварельский вопрос в решениях властей в советский и постсоветский периоды // Известия ДГПУ. – Махачкала, 2011. – № 2. – С. 60–69.

– «круглое селение»), Чантлискуре (аварское название *Росохь* – «в ложине», закавказское аварское *росо* или общеаварское *раса*, дословно означает «корыто», однако вместе с тем по аналогии широко распространено в топонимии как обозначение долины, межгорной котловины или равнинного пространства между двумя горными отрогами, спускающимися в данном случае к Алазанской долине) и Сарусо (аварское название *Хъаладухъ* – «у крепости», поскольку царские войска здесь имели укрепленный пост для блокирования спускавшихся с гор Дагестана мюридских отрядов)⁸⁸.

Также около 40 хозяйств живут в гор. Лагодехи и около 3 тысяч ассимилированных в языковом отношении, т.е. перешедший на азербайджанский язык общения – в азербайджанском анклав из четырех селений: Кабали, Караджала, Ганджала и Узунтала, расположенными в Лагодехском районе. Первые два из них населены в массе своей ассимилированными аварцами.

В Грузии компактно в одном селении Зинобиани (в советское время называлось Октомбери или Октябрьское) живут также представители дагестаноязычного народа - удинов. Они переселились сюда в 1921–22 годах из Варташена (ныне город Огуз Азербайджанской Республики)⁸⁹.

Вторая глава «Поселенческая культура дагестанцев Цора» состоит из четырех параграфов. В главе раскрывается роль различных условий в формировании и развитии поселений этнических дагестанцев. Отмечается, что различные элементы культуры этносов несут на себе печать, с одной стороны, природной среды их обитания, а с другой, – этнической традиции, которая не во всех случаях определяется природными условиями. Сельские поселения относятся к тем элементам этнической культуры, основные формообразующие характеристики которых в наибольшей степени детерминированы средой обитания, конкретно – спецификой рельефа местности их расположения⁹⁰.

В § 2.1. «Генезис и эволюция» отмечается, что хотя поселения этнических дагестанцев в Цоре имеют много общего с поселениями Дагестана, у них есть много отличий, обусловленных прежде всего природными условиями. В то же время природные условия, и в частности рельеф местности, в Цоре тоже не однотипны. В этом отношении всю заселенную часть Цора можно разделить на три зоны: горную, называемую местным населением часто *Гъолода* (авар. «на склоне, хребте»; одновременно и название самого крупного в прошлом горного поселения Цора); предгорную – *Эхеди* (авар. «вверху») и равнинную – *БумИди* (авар. «на плоскости»). При этом горные селения Закатальского округа ничем от населенных пунктов горного Дагестана не отличались. А равнинная часть

⁸⁸ См. *Ханизов Ш.М.* О прошлом и настоящем кахетинских аварцев // Труды Географического общества Республики Дагестан. 2010. №38. – С. 103–107.

⁸⁹ *Волкова Н.Г.* Этнические процессы в Грузинской ССР... – С. 25.

⁹⁰ *Культура жизнеобеспечения и этнос...* – С. 113.

Цора вплоть до середины XX в. была известна как малярийный край, пребывание в котором в летние месяцы считалось опасным для здоровья.

Таким образом, очевидно, что в качестве основного фактора, влияющего на процесс формирования и развития поселений, следует рассматривать природно-экологические условия. В литературе неоднократно отмечалось, что различные элементы культуры этносов несут на себе печать, с одной стороны, природной среды их обитания, а с другой, – этнической традиции, которая не во всех случаях определяется природными условиями. Сельские поселения относятся к тем элементам этнической культуры, основные формообразующие характеристики которых в наибольшей степени детерминированы средой обитания, конкретно – спецификой рельефа местности их расположения⁹¹.

Слабое развитие производительных сил ограничивало воздействие человека на природную среду и делало его зависимым от естественных факторов. А они в Цоре наиболее благоприятны в предгорье, там, где отроги Главного Кавказского хребта переходят в равнину, где наиболее крупные реки региона выходят из узких ущелий на простор Алазанской долины. Поэтому вполне закономерно расположение большинства населенных пунктов Цора именно у подножья гор. Одновременно и в этой зоне большинство населенных пунктов (а если говорить о населенных пунктах, возникших до начала XIX века, то почти все) расположено на приречных террасах, конусах выноса и делювиальных шлейфах. В этой зоне населенные пункты расположены на высоте 300–600 м над уровнем моря.

Кроме того, размещение в предгорье основной массы населения обусловлено и тем, что большинство крупных и средних по размерам поселений Цора приурочены к транспортным коммуникациям, в особенности межрегиональным: из Закавказья в горный Дагестан и из низовий реки Алазани и Куры в ее верховья. И наконец, важно было расположение на труднодоступных местах или местах, которые приурочены к естественным рельефным границам: берегам рек, крутым горным склонам и обрывам и т.д.⁹²

Несмотря на изначальную широкую хозяйственно-экономическую освоенность равнинной части Цора, вплоть до 1830-х годов постоянные, стационарные населенные пункты коренного населения здесь практически не встречались. Здесь имелось в основном пришлое население, поселенное в качестве социально зависимого сословия на землях, которые не привлекали в таком качестве коренное население, проживавшее в подгорных и горных населенных пунктах.

⁹¹ Там же. – С. 113.

⁹² Давудов О.М. Указ. раб. – С. 64; Халилов Дж.А., Бабаев И.А. О городах древней кавказской Албании // Советская археология. – 1974. – № 4. – С. 98–109; Гусейнова Л.Г. Раскопки на античном городище Кабала // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974). – Баку, 1975. – С. 43–46.

Как следует из материалов журнала Закатальской сословно-поземельной комиссии 1869 г., поздние поселенцы «подгорных селений: Катех, Мацех, и проч., выселились из Таначей, где вследствие слишком жаркого лета и влажной почвы существовали и теперь существуют убийственные лихорадки, почему присутствие там человека в летние месяцы положительно невозможно»⁹³. Однако в то же время для части предгорных и почти всех горных поселений Цора, в массе своей покинутых жителями после опустошительных походов Надир-шаха в 1734–41-х гг., необходимость концентрации солнечного тепла имела важное значение.

Почти все эти заброшенные поселения находятся на обращенных к солнцу склонах. Таково, например, расположение селения Голода, которое построено на южной стороне вершины хребта Гумзул-гор. Аналогично, к примеру, и положение заброшенных поселений Буцрах, Цилтаб, Галаван, Сахилаб и Гветбан, которые расположены на солнечных склонах горных массивов в бассейне реки Билкан-ор.

Что касается ныне существующих поселений, то, если они находятся в верхней, горной части Цора, мы опять же видим желание при основании селения расположить его в местности с наибольшей аккумуляцией солнечного света. К примеру, из ныне существующих и заброшенных 10 поселений в ущелье реки Дибир-ор 8 расположены на южных склонах хребтов, и только два поселения (Кас и Аласкар) расположены на теневых участках горного хребта, отделяющего ущелье Дибир-ора от Алазанской равнины.

Одним из существенных факторов, влияющих на специфику сельских поселений, являлась внешняя социокультурная среда и военно-политическая обстановка. Так, при определении места поселения в беспокойное время (конец XVII – начало XIX вв.) в Цоре важное значение придавалось оборонительному фактору. Вдобавок к искусственным, созданным человеческой рукой укреплениям, заметно старание расположить поселения в таких местах, где сама природа помогала бы при обороне от неприятеля. Значительные изменения в сельском расселении в Цоре произошли после неоднократных нашествий отрядов Надир-шаха в 1734–41-х гг. В этот период были разрушены почти все населенные пункты, некоторые из которых так и не были после этого восстановлены. К числу таковых относится и самое крупное на начало XVIII в. поселение в Цоре. Известно, что основное население Голоды переселилось в Джар. П. Саидова справедливо отмечает, что «Голода после разрушения Надир-шахом больше не застраивался»⁹⁴.

Именно оборонительным фактором объясняется то, что во второй половине XVIII в. почти все население Цора было сконцентрировано в предгорье, тогда как вроде бы удобная для поселения равнина оказалась застроена только временными хуторами земледельческого и

⁹³ ЦИАГ. Ф. 236. Оп. 2. Д. 4. Л. 113–129, 137–148, 151–155.

⁹⁴ Саидова П.А. Чарско-белоканские говоры... – С. 4.

скотоводческого характера, а также поселениями зависимых сословий: мугалов (социальный в корне своем термин, которым обозначали зависимое население из Дагестана и различных закавказских ханств, поселившееся на землях джарских аварцев) и ингилойцев (местных грузин-мусульман). Как пишет офицер Российской империи Н. Колюбакин, являвшийся в середине XIX в. начальником Закатальского округа, аварцы расселены здесь «отдельными деревнями из камня, в крепких местах, преимущественно у входов в ущелья. Мугулам же и Энгиллойцам они оставили места низменные и плодородные, но не представляющие к защите никаких удобств и где нет камня для постройки домов»⁹⁵.

В § 2.2. «Типолого-классификационная характеристика» составлена типология поселений Цора, исходя из функционального характера поселений и их структуры.

Дагестанские этнографы у аварцев XIX в. выделяют три типа поселений: селение, отселок и хутор. Селение («росу») являлось основным типом населенного пункта, в котором проживало большинство населения. Отселок («кули») – небольшой населенный пункт, где постоянно проживало небольшое количество семей, вышедших из определенного селения. Хутор («махьи», «кули») – база для определенной хозяйственной деятельности, где люди жили в период сезонных работ или постоянно проживало небольшое количество людей.

Полевые наблюдения автора позволили выявить в лексиконе цорских аварцев следующие обозначения населенных пунктов в зависимости от их рельефного положения и хозяйственно-экономической специализации: *росу* (стационарное поселение), *тала* (поселение, обычно хутор, возникшее первоначально в лесу, на очищенной от деревьев площади), *къара* (поселение, расположенное в лощине, межгорной котловине), *тахида* (поселение, расположенное на небольших водораздельных плато), *кули* (земледельческий хутор в горной и предгорной части Цора), *мархью*, *махью* (хутор в горах и предгорье, где содержатся овцы и козы), *бина* (хутор, возникший на зимних пастбищах, местный аналог дагестанского термина *хьутан*). К средневековым городам и торговым центрам местные аварцы наряду с общеаварским *шагъар* обычно применяют обозначение, состоящее из названия самого населенного пункта, с добавлением *-базар*. К примеру, Джар (ныне город Закатала) старшее поколение даже сейчас называет *Чар-базар*, а средневековое городище Загеми – *Къумур-базар*.

Отселки являются промежуточным между хутором и полноценным селением звеном. Отселок, даже выросший до размеров селения, отличается от него тем, что известно, выходцами из какого аула он основан, а также связью с материнским селением рядом взаимоотношений хозяйственного и общественного характера, показывающих его определенную зависимость от этого селения. В Цоре мы имеем крупное, часто с многотысячным населением, материнское поселение в предгорье и несколько его бывших

⁹⁵ Колюбакин Н. Об отношениях поселян...

отселков, превратившихся в полноценные поселения, связанные множеством связей с метрополией, наряду с которыми имеются отселки и хозяйственные хутора, так и не ставшие полноценными поселениями. Эти селения чаще всего расположены на равнине, мало отвечают оборонным целям или вовсе их игнорируют, в отличие от старых поселений.

В этом отношении Белоканский и Закатальский районы (за исключением восточной его части) можно четко разделить на вертикальные зоны – территории бывших обществ, в верхней горной части которых расположены летние пастбища, ниже – в предгорье – метрополии, окруженные садами и пашнями, а на равнине – сезонные хутора, отселки и селения – филиалы подгорных поселений. На самом западе расположено Белокаканское общество (метрополия – Белоканы, селения – бывшие отселки – населенные пункты Кабахчолибской зоны, Рочахмад), далее на восток – Катехское общество (метрополия – Катех, бывшие отселки – Кортала, Пучкара, Горахажиял, Пуштатала, Кодочиб), Мацехское (метрополия – Мацех, бывшие отселки – Халаябтала, Беретросу, Ханжарита), Джарское (метрополия – Джар, бывшие отселки – Динчи, Макав, Пашан, Нухбик), Тальское (метрополия – Тала, бывшие отселки – Домбабина, Боциб, Махцараб, Хасанбина).

Одной из разновидностей связей между материнским селением и его отселками можно назвать то, что «в большие праздники, во время уразы и по пятницам все мужчины обязаны собираться» в мечеть главного селения⁹⁶. Другим привязывающим бывшие отселки к метрополии фактором были родовые кладбища, на которых похоронены предки жителей отделяющегося «филиала».

Третий тип расселения – хутора – возникали как базы для ведения определенного рода хозяйственной деятельности, населенные в определенный период года и никогда не имевшие самостоятельных поселенческих функций. Хронологические рамки его возникновения – самые широкие. Помимо хуторов крупных предгорных поселений Цора имелись здесь и сезонные населенные пункты горных аварских общин.

Кроме того, следует отметить наличие у аварцев и цахур горного Дагестана особого вида хозяйственной активности, когда они имели дома, сельхозугодья и в горах и на равнине. Особенно долгое время вплоть до коллективизации сельского хозяйства в 1930-х гг. (отдельные пережитки сохранялись чуть ли не до 1998 г. когда был ужесточен пограничный режим между Россией и Азербайджаном), присутствовала эта оригинальная система хозяйствования у цахур. Зафиксировано наличие двуединого джамаата, когда одна часть жителей села, более или менее постоянно, живет в горном Дагестане, а другая – в долине Алазани.

Касаясь вопроса городской культуры в Цоре, отметим, что хозяйственно-экономическое развитие края было решающим фактором, определяющим ее уровень. Отдельные памятники эпохи античности и

⁹⁶ Комаров А.В. Указ. раб. – С. 72–73.

раннего Средневековья зафиксированы в нескольких пунктах Алазанской долины. В это время на данной территории существовали достаточно крупные поселения. Следует обратить внимание на то, что существовавшие в северо-западной области Кавказской Албании монастыри и храмы (Лекит, Кебец-дара, Пипан, Киш, Зейзит, Бидеиз, Кунгут, Джалут и др.) концентрируются в непосредственной близости от городищ и поселений⁹⁷. В более поздний период (вплоть до начала XIX в.) поселениями городского типа в Цоре можно назвать Джар, Билкан, Тала и Елису⁹⁸, которые выполняли роль административно-политических центров, являлись сосредоточием ремесленных мастерских, а также торговыми центрами.

Исходя из структуры поселения основными формами поселения населения Цора в XVII – начале XX в. были следующие: скученная (сюда входят и скученно-террасная, кучевая или гнездовая и скученно-квартальная формы), усадебно-разбросанная и уличная. Скученная (кучевая) форма характерна для тухумного типа поселений, расположенных на укрепленных возвышенностях, выступах скал. В горном Дагестане они обычно находятся в высокогорье, но в Цоре такие поселения встречались и в предгорье. Такую форму поселения можно назвать улично-ветвистой (термин, принятый больше в Дагестане) или усадебно-разбросанной (термин, характерный для закавказских исследователей). Такая форма поселений была известна в земледельческо-садоводческих зонах. В регионе, расположенном на южных склонах Большого Кавказа, в который входит и Цор, населенные пункты занимали большие площади. Нередко на приалазанской равнине встречаются поселения, состоящие фактически из одной улицы вдоль обеих сторон которой расположены усадьбы и хозяйственные постройки. Эта улица представляет как бы ось, на которую нанизано все поселение, из-за чего такая форма застройки получила название осевой или уличной.

§ 2.3. «Топография поселений» состоит из анализа сельского поселения в качестве определенной целостности и вычленения в ней определенных элементов. В исторической ретроспективе в качестве таковых можно выделить следующие основные компоненты: а) селитьба; б) хозяйственные постройки; в) центр; г) культурно-бытовые учреждения; д) культовые объекты; е) оборонительные сооружения и др.⁹⁹

При рассмотрении одного из основных компонентов поселения – селитьбы или жилой части поселения – в более древних населенных пунктах Цора мы наблюдаем интересную особенность. Это сложение селитьбы из дворов, окруженных каменными стенами, в которых располагались хозяйственные постройки, сады, огороды. Таким образом, цорское поселение в прошлом состояло из большого количества земельных лоскутков, огороженных каменными стенами в человеческий рост и выше.

⁹⁷ Там же. – С. 67–68.

⁹⁸ *Летицова Э.* Указ. раб. – С. 159.

⁹⁹ *Культура жизнеобеспечения и этнос...* – С. 112.

Учитывая некоторую запутанность сельских улиц, для чужеземца такие поселения представляли собой сплошной лабиринт из улиц, по обе стороны которых выстроены каменные заборы – *жубур* (авар. *жубазе* – «сложить», отсюда *жубараб* – «сложенная (стена)»).

Даже в настоящее время в некоторых поселениях Цора селитьба делится на кварталы, образованные по патронимическому принципу. В прошлом такое деление было распространено повсеместно в Цоре и в соседней Кахети, где также большинство кварталов образовано скоплением усадеб одной патронимии¹⁰⁰. Такая же картина наблюдалась и в соседних регионах, например, в Южном Дагестане¹⁰¹, Горном Аваристане. Однако не везде квартальное деление являлось отражением прежнего расселения по отдельным поселениям. Часто квартальное деление производилось для удобства при выполнении общественных работ, раздела сельхозугодий. Названия этих кварталов обычно отражают особенности расположения, рельефа и т.д.

Центральным компонентом жилой части поселения – селитьбы в большинстве населенных пунктов левобережья Алазани – Цора служило специальное место для сельского схода. Обычно в аварских поселениях Цора таким место служила центральная площадь – *гудекан*. Гудекан являлся общественным центром селения, местом народных собраний, на которых обсуждались важнейшие вопросы и устраивались праздники. Возвращаясь от социальной роли площадей к их месту в планировке поселения, стоит отметить, что чаще всего она явно выделяется в структуре поселения (Динчи, Макав, Цилбан, Кабахчолиб). В крупных селениях помимо центральной имелись и квартальные площади. Это характерно для Динчи, Кабахчоля, Эхеди Тала, Бехе Тала, Мухаха и других населенных пунктов.

В топографии поселений Цора заметное место занимают и кладбища. В горных селениях Цора они, как правило, располагаются на краю селения. Также мы располагаем сведениями о наличии кладбищ внутри самого поселения, что объясняется отсутствием дефицита земельных ресурсов в цорских предгорных и равнинных поселениях. Свидетельством этому служат огромные приусадебные участки в этих населенных пунктах, из-за чего даже небольшие селения занимали крупные по размерам площади. Не только в крупных, но и средних и даже небольших селениях Цора имеются несколько кладбищ, чаще всего отдельные кладбища были у каждой патронимической группы – тухума.

Культовым центром населенного пункта в Цоре являлась Джумамечеть (*Бол мажгит*), наряду с которой, обычно по количеству кварталов,

¹⁰⁰ Харадзе Р.Л. Грузинская семейная община. – Тбилиси, 1960. Ч. I. – С. 61, 63, 64.

¹⁰¹ Азизов С.А. Территориальная локализация и экономическая организация южнодагестанского тухума в середине XIX – начале XX в. // Материальная культура народов Дагестана в XIX – нач. XX вв. – Махачкала, 1988. – С. 23.

имелись и квартальные мечети (*хИуджра*). Наряду с мечетями здесь имелись и специальные места для молитв, не имеющие такого статуса.

Интересны замечания исследователей о различиях в размещении башен у аварцев и других дагестанских народов. «У лезгин и даргинцев мы не встречаем башен, расположенных внутри селения, они находятся только на его окраинах, а у аварцев башни имеются в самом центре селения, что свидетельствует, по-видимому, о большей сохранности тухумных кварталов и соответственно тухумных башен»¹⁰². Чаще всего *гьин* в поселениях Цора выполнял сугубо оборонительную роль (помимо жилой, разумеется), однако иногда *гьин* с округой служил и общественным центром селения. Это характерно для укрепления *МалахИазул гьин* (авар. «Малаховых замок»), которое находится на возвышенности, расположенной в нескольких сотнях метров к западу от реки Билкан-ор. Сейчас это граница города Белоканы и селения Махамал-росу. Данное укрепление наряду с оборонительной функцией выполняло также роль места общественных собраний (авар. *руккел* – аналог новгородского вече или исландского тинга – «прародителя» современного парламента этой страны) Билканского джамаата.

Говоря в целом о роли *гьинов* в структуре аварских поселений Цора, стоит отметить, что чаще всего они являлись опорными пунктами при обороне селения, строились часто на наиболее нуждавшихся в обороне участках окраин селения, однако позже оказывались в центре поселений (по мере их разрастания). Об этом говорят и некоторые источники: «В то же время, к которому относится рассказ (1735 г.), аул Джары теснился только в ущелье и на образующем его склоне Гундз-горы. Крайней точкой с стороны плоскости была передовая оборонительная башня, построенная из туземного камня и далеко господствующая над плоскостью, она называется Джангос и совершенно сохранилась и теперь»¹⁰³.

В § 2.4. «Современные дагестанские поселения Цора (конец XX – XXI вв.)» рассмотрены современное расселение на левобережье Алазани в пределах исторического региона Цор и его эволюция. Линейная форма расселения здесь своеобразно сочетается со звездообразной формой. Большинство селений как бы нанизано на дороги, расходящиеся от районных центров – городов Билкан, Закатала и Кахи, расположенных у подножия отрогов Главного Кавказского хребта. Часть селений расположена в предгорье, меньше – в горной зоне, но большинство их сконцентрировано в центральной полосе левобережья Алазани. Селения, возникшие во второй половине XIX – XX вв., отличаются прямолинейной или квартальной планировкой. В советский период развернулся процесс планомерной реконструкции сети поселений. Выбор перспективных поселений осуществлялся на основе анализа современной и перспективной

¹⁰² Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г. Материальная культура даргинцев. – Махачкала, 1967. – С. 106.

¹⁰³ Посербский А. Очерк Закатальского округа... – С. 26.

территориальной организации хозяйства (прежде всего сельского); транспортной сети и других коммуникаций.

При рассмотрении перспектив развития населенных пунктов в советский период большое внимание уделялось укрупнению поселков и переселению, т. е. ликвидации, бесперспективных населенных пунктов. В Цоре есть несколько поселений, которые были заново построены в советский период. Их строительство было обусловлено как переселением на равнину горных селений, большей частью внутри микрорегиона, так и образованием рабочих поселков при вновь созданных совхозах. В первом случае это образование цахурских селений в Закатальском – Ени-Сувагиль (азерб. – «Новый Сувагиль»), Али-Байрамлы, Таза-Сабунчи (перс. – «Новый Сабунчи») и Кахском районах – Агязы. Причем если в Закатальском районе переселялись в основном внутри района – из труднодоступного Мухахского ущелья, подверженного эрозионным процессам, то селение Агязы было образовано за счет переселения цахур из Рутульского района Дагестана: сел. Цахур, Гельмец, Курдул и др. Ени-Сувагиль образовался в 1950-х годах за счет переселения селения Сувагиль из Мухахского ущелья на равнину, на земли аварского сел. Эхеди Тала. Также на землях сел. Эхеди Тала, на месте хутора Битди (авар. «на плоскости»), было основано сел. Али-Байрамлы, в которое переселили цахур из сел. Кас, Каркай, Калал из Мухахского ущелья. Таза-Сабунчи также является переселенческим поселением, образованным в 1964–66 гг. цахурами из сел. Сабунчи в том же Мухахском ущелье. Однако оно, в отличие от вышеуказанных селений, не обрело самостоятельного административного статуса, а будучи образовано на западной окраине ныне уже азербайджанского селения Лагич¹⁰⁴, вошло в его состав. К муниципалитету (в прошлом сельсовету) Лагич было присоединено и горное селение Сабунчи, в котором осталось несколько десятков семей. Другие переселяемые поселения (Сувагиль, Кас, Каркай и т. д.) были полностью покинуты жителями.

Одновременно в Закатальском, Белоканском и Кахском районах шел процесс создания новых производственных единиц, специализировавшихся на выращивании ореха, чая и других высокорентабельных сельскохозяйственных культур. Здесь при совхозах создавались рабочие поселки. В Закатальском районе такие поселки прежде всего возникли при двух ореховых совхозах – Аракиб и Халатолиб. Кроме того, при чайном совхозе к западу от города Закатала, на месте аварского хутора Хурма-уба был основан новый рабочий поселок Чайдиб, сейчас уже слившийся с городом Закатала.

Переселенческие процессы середины XX в. не обошли стороной и кварельских аварцев, хотя здесь миграция имела политическую, а не социально-экономическую подоплеку. Насильственно переселенные в 1944

¹⁰⁴ Образовано в конце XVIII в. переселенцами из татского поселка Лагич в Исмаиллинском районе АР. Жители его в дальнейшем перешли на тюркский язык и сейчас считают себя азербайджанцами.

г. в Чечню жители аварских селений Кварельского района в 1957 г. стали возвращаться в свои села. Однако часть из них уже была занята грузинскими переселенцами из западных районов Грузинской ССР, образовавших на месте 4 небольших аварских поселений в Арешской долине селение Мтисдзири. Аварцев, желавших вернуться в родное селение, остановили отряды милиции. После долгого противостояния и проживания аварцев в палатках и шалашах на подступах к родному селу было решено расселить их на пустующих землях – в болотистой местности Чантлискуре, в таких же условиях в Тхилисцкаро и на месте колхозных садов с ограниченными земельными ресурсами в Сарусо. Аварцев из сел Тиви и Тебелджохи расселили в одном селе – Тиви.

Во второй половине XX в. крупным селениям, позже поселкам городского типа, выполнявшим функции районных центров – Белоканы и Кахи был придан статус городов. Уже после развала СССР и образования независимой Азербайджанской Республики крупные селения Белоканского (Кабахчолиб) и Закатальского (Алибад) районов были объявлены поселками городского типа.

В результате землетрясения 2012 г. существенных изменений в форме и структуре поселений не произошло, поскольку новые жилища строились почти всегда на том же приусадебном участке, на котором располагался и разрушенный в результате землетрясения дом. Такую форму застройки определили прежде всего крупные размеры садовых и придомовых участков почти во всех селениях Цора, а также крупные размеры самих поселений, при которых освоение новых земель под жилищное строительство на окраине существующих населенных пунктов сопряжено со значительными затратами на проведение воды, электричества, газоснабжения, подведение к ним автомобильных дорог и т.д. Кроме того, располагаясь на окраине и без того растянутых на несколько километров поселений, жители новых микрорайонов оказались бы вдалеке от сельских центров, где располагаются администрация, школа, больница и другие общественные учреждения.

В течение XX – начала XXI вв. значительные сдвиги произошли и в функциональной структуре многих сельских поселений. Такие изменения были обусловлены, во-первых, развитием перерабатывающих производств, транспортных и обслуживающих предприятий в некоторых селениях; во-вторых, как мы уже указали, возникновением новых населенных пунктов с полным циклом агропромышленного производства и в-третьих – занятием значительного числа жителей пригородных поселений на промышленных предприятиях, в учреждениях государственного сектора и прочих отраслях, сконцентрированных в городах Билкан, Закатала и Кахи.

Третья глава «Традиционное и современное жилище Цора» состоит из трех параграфов. В главе раскрывается роль различных условий в становлении и эволюции различных архитектурных форм жилых строений этнических дагестанцев. Отмечается, что природные особенности и географическая близость больше влияют на единство архитектурных форм

и особенностей поселенческой структуры, нежели этническое единство разных по природно-климатическим условиям регионов. К примеру, архитектура западной Грузии абсолютно отличается от архитектуры жилых помещений восточной Грузии. В то же время жилища восточной Грузии сходны с дагестанскими и особенно аварскими. Это же касается и территории современного северо-западного Азербайджана (Закатала, Белоканы, Нуха)¹⁰⁵.

В § 3.1. «Генезис и эволюция традиционного жилища Цора» акцентировано внимание на том, что архитектура цорского жилища XVIII-XIX вв., композиционные и планировочные приемы, основанные на местных условиях и сложившихся традициях, согласно заключению исследователей, создали интересные образцы подлинно народной архитектуры. Строения народных мастеров, часто весьма искусных, хорошо отвечающие местным специфическим условиям, представляют большой интерес и достойны детального изучения¹⁰⁶.

Главным строительным материалом для традиционного цорского жилища в горной и предгорной его части был камень. Почти весь жилой фонд в аварских и цахурских селениях Цора был представлен каменными домами. Только на приалазанской равнине, в лесных районах, а также на некоторых хуторах, расположенных в лесистых ущельях и в предгорье, широкое применение в жилом строительстве находило дерево. Причем постепенно каменные дома в течение XX в. вытеснили деревянные и на равнине.

Пол в одноэтажном жилище или в первом этаже двухэтажного дома делали из утрамбованной земли, покрываемой сверху цементным раствором с примесью мелкого гравия¹⁰⁷. Потолок и межэтажные перекрытия сооружали из продольных прогонов, положенных на торцовые стены, поперечных балок и настила из толстых досок, поверх которого наносили слой известково-алебастрового раствора.

Одним из обязательных элементов народного жилища в Цоре являлась веранда (авар. *рагъи*), иногда занимавшая фасад жилища по всей его длине. Веранды имели вид массивной каменной аркады вдоль главного фасада.

Формы крыши в Цоре сводились к двум основным: скатной и плоской. Плоские крыши в XIX в. имели только три селения: Елису, Цараки/Сарыбаш в Кахском районе и Сувагил в Закатальском. Скатные крыши у аварцев Цора отличались особенно высоким углом наклона, за счет чего образовывалось значительное пространство, которое использовалось для выкармливания личинок тутового шелкопряда, хранения продуктов и мелкого инвентаря, сушки фруктов и т. п. Это достигалось путем поднятия

¹⁰⁵ Гольдштейн А.Ф. Генетические связи дагестанского длиннопланного дома // Зодчество Дагестана. – Махачкала, 1974. – С. 159.

¹⁰⁶ Датиев С., Мотис Д. Указ. раб. – С. 109.

¹⁰⁷ Кобычев В.П. Крестьянское жилище... – С. 50.

ската на боковых специальных подпорках высотой до 1 м – деревянных, каменных или кирпичных.

Интерьер жилых комнат составляли камин, устраивавшийся в середине внутренней стены, большой деревянный ларь с зерном и мукой и массивные деревянные нары, на которые днем складывались постели. Полки-рэф и стеновых ниш обычно не было¹⁰⁸. Больших размеров достигал в жилище аварцев камин, который красиво оформляли по фризу лепкой и снабжали приспособлениями для подвешивания котлов и вертелов. Полы в комнатах застилали коврами и войлочными кошами. На стенах и на центральном стояке развешивали оружие, одежду и конскую сбрую¹⁰⁹.

Количество этажей в жилом доме обычно зависело от состояния хозяина и не было увязано с этническими или природными особенностями. Чаще в Цоре встречались каменные двухэтажные дома.

Э. Летицова делит усадьбы, по своей планировке, на территории Цора (в частности Елисуйского султанства) на два типа: 1. С жилищем, расположенным в глубине двора; 2. Усадьбы с жилищем, задняя или боковая стена которого одновременно служила дворовой стеной¹¹⁰. Вторым типом усадеб был распространен в малоземельных общинах и селениях региона, расположенных в предгорье или в горных ущельях, где существовала необходимость в экономии земли, а первый – в равнинных и предгорных селениях, где не было дефицита в территории, отводимой под жилую застройку.

Исследователями отмечено, что суровый и вместе с тем живописный горный ландшафт, обилие растительности (леса, кустарники), относительно слабое развитие ремесел и кустарного производства, в преимущественно скотоводческом и садоводческом регионе, каковым являлся в XVIII-XIX вв. Цор, а также особенности местного строительного материала, оказали существенное влияние на архитектуру, композиционные и планировочные приемы жилищного строительства¹¹¹.

В § 3.2. «Типолого-классификационная характеристика» отмечается, что наиболее точно выявить характерные особенности жилища можно через обобщение и систематизацию путем выбора определенных признаков из всего многообразия его типов, форм и особенностей. Прежде всего, необходимо разделить жилища на две основные группы соответственно социально-экономическим отношениям и культурно-бытовой специфике их создателей: постоянные и сезонные (временные) строения.

Временные жилые строения Цора отличаются большим разнообразием, что в первую очередь обусловлено природными особенностями территорий, на которых они были распространены.

¹⁰⁸ Датиев С., Мотис Д. Указ. раб. – С. 105.

¹⁰⁹ Кобычев В.П. Крестьянское жилище... – С. 51.

¹¹⁰ Летицова Э. Указ. раб. – С. 164.

¹¹¹ Датиев С., Мотис Д. Указ. раб. – С. 103.

Палатка (*чадир*) состоит из матерчатого корпуса различной формы, одного центрального столба (не всегда) и нескольких деревянных и железных колышков. Ткань корпуса чадира изготавливалась из конопли, льна, а также хлопчатобумажных и шерстяных нитей. Шалаш (*дахма, чатма*) состоит обычно из деревянного каркаса, обшитого материей или чаще обложенного ветками и корой. Эти жилища использовались как временные укрытия, а также для жилья летом. Паж – временное жилище из необработанных камней, сложенное сухой кладкой для укрытия от непогоды в горах. Толи (авар. – «землянка, бункер») – жилое помещение, выкопанное в сухом грунте и использовавшееся пастухами на зимних пастбищах. Срубные дома (авар. *цулалрукъ* – «деревянный дом») были распространены на хуторах в лесной предгорной зоне Цора, а также приалазанской равнине.

Обычное стационарное жилище аварцев в Цоре (*рукъ*) было каменным, одно- и двухэтажным (*ригъ*), двухкомнатным, с двух- или четырехскатной черепичной или соломенной крышей, с верандой и чердаком. В плане жилище было прямоугольным и строилось на высоком фундаменте. В горной части Цора – в аварских и цахурских селениях Елису, Сарыбаш, Сувагиль, Кас, Каркай, Каал и т.д. вплоть до 1960-х гг. сохранялись каменные дома с плоской крышей (*дахал*).

В XIX в. у аварцев в небольшом числе сохранялись дома-крепости (авар. – *гьин*), построенные еще в предыдущих столетиях. Они представляли собой двухэтажные, каменные башнеобразные сооружения без окон и веранд. В нижнем этаже таких домов содержали скот, в верхнем жили люди. На нижнем этаже иногда устраивался проезд во двор, который обносился крепкой каменной стеной. На верхнем – прорезались бойницы, предназначавшиеся для обороны жилища и усадьбы.

Помимо *гьинов* на окраинах аварских селений или чаще за их пределами стояли одинокие башни без дополнительных фортификационных или жилых строений, называвшиеся *си* и игравшие преимущественно роль сигнальных постов и сторожевых башен. Как известно, наличие башен, как боевых, так и сигнальных, является характерным для «вольных» обществ¹¹². В феодальных же владениях, где политическая власть была централизована, стремление к недоступности каждого селения выражено слабее. В них в случае необходимости принимались меры к защите общества в целом.

В § 3.3. «Современное жилище дагестанцев Цора» заострено внимание на процессе преобразования традиционного жилища в Цоре в течение XX – начала XXI вв., который затронул как его сущность, так и все компоненты. Главными строительными материалами в сельских поселениях Цора остаются камень и дерево, однако все большее распространение получает кирпич и шлакоблок. К тому, же если раньше камень и дерево обеспечивали строительство дома почти полностью, то теперь все большее место в

¹¹² *Исламмагомедов А.И.* Поселения и жилища цахуров... – С. 73.

отдельных конструкциях и компонентах жилища занимают самые разнообразные материалы.

При этом необходимо отметить, что степень внедрения новых строительных материалов не везде одинакова. Менее всего их в горных и предгорных поселениях, особенно труднодоступных и малолюдных, в которых жилой фонд в целом подвергся не столь значительной перестройке. На порядок больше используются новые материалы при строительстве домов в крупных равнинных поселениях, особенно расположенных вблизи городов Белоканы, Закатала и Кахи, которые застроены почти полностью жильем, возведенным из новых видов строительного материала. В качестве одного из элементов процесса изменений в технологии строительства жилых домов в Цоре, следует отметить и постепенное вытеснение деревянного жилища, которое в течение XX в. сменили каменные дома.

Одна из наиболее устойчивых и мало подвластных веяниям времени деталей жилищно-поселенческого комплекса в Цоре, это устройство приусадебных участков. Хозяйственные постройки при цорском жилище и сейчас состоят из хлева, сарая для хранения сельскохозяйственных продуктов, кухонного навеса с печами и навеса, под которым помещаются сельскохозяйственные орудия производства. Посредине внутреннего двора на высоких столбах стоят несколько стогов сена, над которыми на шестах выставляются черепа лошадей и других животных, защищающих, по мнению жителей, дом и хозяйство от дурного глаза.

Внутреннее убранство цорского жилища в течение XX-XXI вв. претерпело значительные изменения, что выразилось в нескольких взаимосвязанных процессах. Это исчезновение традиционных объектов убранства (камин, центральный столб, капитель, лари, кровати и пр.), изменение эстетических потребностей населения, увеличившиеся возможности украшения интерьера новыми средствами, в т.ч. предметами быта. Вышеприведенные авторы XIX в. свидетельствовали о суровом быте цорских аварцев, о том, что предметы интерьера статичны, архитектурно и конструктивно вписаны в него и что роль предметов его украшения очень незначительна. Сейчас же конструктивные элементы жилища, несшие и основную декоративную нагрузку, исчезли в виду изменения планировки жилища. Новых конструктивных элементов, которые могли бы их заменить – не оказалось и поэтому в декоративном оформлении интерьера жилища, главная роль перешла к предметам обстановки – диванам, мебельным гарнитурам, коврам, картинам, фотографиям, современным столам, скатертям и пр. Другая сторона современного декоративного комплекса – светлые помещения с большими окнами, обои, лепка, частичное применение красок и прочего дает возможность создания цветовых гамм и контрастов¹¹³.

---

¹¹³ Османов М.О. Жилище даргинцев в XIX-XX веках (этапы развития и трансформации). – Махачкала, 2008. – С. 108.

Старые традиции внутреннего убранства домов формировались веками, а в течение XX-XXI вв. за короткий срок произошли громадные изменения в социальной, хозяйственной и культурной областях. Из-за этого некоторые компоненты жилища не успевают в своем развитии за инновациями, из-за чего сложилось такое положение, при котором старые традиции рушатся под напором совокупного воздействия новых условий жизни (экономика, культура, быт), а новые не успели сложиться, они находятся еще в стадии становления. Это приводит, естественно к определенной бессистемности в традициях убранства, порождает безвкусицу и попытки неуместно встроить современные предметы быта в патриархальный интерьер жилища XIX – начала XX вв.

Без сомнения современные жилища со строгими пропорциями, светлыми помещениями, деревянными полами, обставленные современной мебелью и бытовыми приборами, намного более практичны, нежели традиционное цорское жилище. Однако вместе с тем, применение некоторых традиционных элементов интерьера и архитектурных традиций намного обогащает его художественно-эстетическое содержание.

Вместе с тем, в строительстве жилых домов в Цоре заметно некоторое оживление традиционных элементов декора, особенно при оформлении наружных, выходящих на улицу стен. Несложный рисунок из кирпича в виде кладки «в елку», зубцами и равносторонними треугольниками, или из квадратного кирпича, поставленного по диагонали, несколько примитивный рисунок цветка из тех же кирпичей не кажутся грубыми и чуждыми на довольно суровом фоне бессистемной каменной кладки¹¹⁴. Более того, это является своеобразным декоративным убранством стены жилого дома в Цоре.

Значительные изменения в архитектуре цорского жилища произошли в результате землетрясения 2012 г. Его эпицентр находился на территории Закатальского района, где сила подземных толчков доходила до 7 баллов. В Цоре оказалось разрушено много жилых домов, социальных и инфраструктурных объектов. Всего на территории Белоканского, Закатальского и Кахского районов, согласно данным официального сайта МЧС Азербайджанской Республики расположено 58 338 жилых домостроений. Из них в дефектном состоянии оказались 5 848, нуждаются в восстановлении – 11 061, ремонте – 23 833 и находятся в удовлетворительном состоянии – 17 596 домов. В городе Закаталы, а также в других населенных пунктах вышеуказанных трех районов имеются 302 многоквартирных дома, из которых дефектными оказались – 90, нуждались в восстановлении – 50, ремонте – 85 и находились в удовлетворительном состоянии – 77. Также было разрушено 127 общественных и социальных объектов¹¹⁵.

¹¹⁴ Датиев С., Мотис Д. Указ. раб. – С. 104.

¹¹⁵ www.fhn.gov.az/index.php?aze/pages/256 (дата обращения: 25.11.2015 г.).

Согласно актам обследования, составленным МЧС АР на территории трех районов оказались разрушенными 5 264 дома. Из них заново построены 4976 домов (на территории Закатальского района – 3 764, Белооканского района – 718 и Кахского района – 494) и продолжается строительство остальных 288 домов. По другим данным, размещенным на том же сайте МЧС, завершено строительство 5263 домов (Закатальский район – 4 006, Белооканский – 736 и Кахский – 521) и близится к завершению строительство еще 18 домов в Закатальском районе¹¹⁶.

Новые дома построены по типовым проектам, которые, судя по наблюдениям автора, не отличаются большим разнообразием. В подавляющем большинстве случаев это одноэтажные строения площадью от 90 до 150 кв. метров, на высоком, до 1,5 метров фундаменте, состоящие из 3-4 комнат, а также кухни и туалета. Хозяйственные постройки восстанавливаются самими хозяевами в большинстве случаев на старый лад. Эти изменения влекут за собой изживание трудоемких и виртуозных способов украшения, как интерьера, так и внешнего вида домов. Многие элементы традиционного жилища уходят в прошлое, отступая перед современным массовым строительством однотипного жилья. Пресловутая глобализация и унификация вкусов и потребностей современного человека во всем мире стирает различия во многих сторонах нашего быта. Это относится и к современному жилищу дагестанцев Цора.

Однако цорская архитектура все же сохраняет некоторые свои традиции и самобытность. До сих пор для жилищ аварских поселений предгорий Цора характерны аркады открытых веранд с глубокими тенями, массивы наружных лестниц, своеобразный рисунок кирпичной кладки, вкрапленной или смешанной с кладкой из рваного камня и булыжника, сочетание серо-зеленого цвета камня с цветом кирпича и черепицы на фоне зеленой растительности, наличие которых отмечено исследователями еще для XIX в.¹¹⁷ Именно эти особенности жилого строительства формируют уникальность и колорит цорской архитектуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ содержит обобщенные результаты диссертационного исследования, на основании которых сформулированы следующие выводы:

1. Изучение поселений этнических дагестанцев Закавказья в XVIII – нач. XX в. показало, что они характеризуются как разносторонний элемент материальной культуры, связанный с природно-географическими условиями, социально-экономическим развитием общества, культурно-бытовым укладом населения.

2. Рассмотрение поселений Цора по двум основным показателям (типу и форме планировки) выявило непосредственную зависимость этого важнейшего компонента материальной культуры от природно-климатических условий и уровня социально-экономического развития

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ *Датиев С., Мотис Д.* Указ. раб. – С. 103.

населения. Поселения этнических дагестанцев в этом регионе, представленные прежде всего аварскими селениями, состояли из нескольких сотен дворов и имели свободную разбросанную планировку, а усадьбы были обширными и включали в себя фруктовые и тутовые сады, виноградники, огороды и сенокосные угодья.

3. На характер расположения поселений (тип расселения) Цора и форму планировки большое влияние оказывала внешнеполитическая обстановка. В результате этого, в частности в ходе постоянных войн и неоднократного нашествия орд Надир-шаха, к концу XVIII в. населенные пункты на левобережье Алазани в целях повышения обороноспособности прижались к отрогам ГКХ. Следствием этой стратегии выживания стало то, что селения на равнине в первой половине XIX в. располагались вблизи густых лесов. В горных районах селения возводили на крутых склонах и вершинах хребтов, непригодных для хозяйственного использования. Рельефный фактор был определяющим и при формировании различных форм поселений в Цоре. В XVII – начале XX в. основными формами поселения здесь были следующие: скученная (сюда входят и скученно-террасная, кучевая или гнездовая, и скученно-квартальная), усадебно-разбросанная и уличная.

4. Поселения XVII – начала XIX в. Цоре располагались в основном на пологих склонах, чаще всего являющихся речными выносами. Тылная часть поселения обычно была прижата к довольно крутым склонам отрогов Главного Кавказского хребта, а передняя направлена в сторону юга или Алазанской долины и укреплена башнями и каменными стенами. Это основной тип заселения вплоть до 1830-х гг., когда начинается массовое заселение бывших хуторов цорских аварцев, расположенных в низменной части региона.

5. В расселении цорских дагестанцев, топографии их поселений важную роль играли следующие факторы: близость источников воды, пахотных земель, пастбищ, оборонительный фактор, климатические условия и особенности рельефа.

6. Оборонительный фактор при расселении не был постоянно действующим, а имел большей частью только значение противодействия внешним пришельцам, завоевателям. Возможно, именно этим и объясняется, что население вновь возникающих поселений выбирает не столько удаленные в горные ущелья, труднодоступные местности, а селится в естественно укрепленных долинах рек, часто у входа в ущелье со стороны равнины, одновременно перекрывая его.

7. Мирные годы второй половины XIX в. и первые 15 лет XX в. и быстрый рост населения в этот период, приведший к аграрной перенаселенности предгорья, обусловили процесс обратного «сползания» населения больших предгорных селений на низменность, в свои хутора и развалины старых населенных пунктов.

8. Только после окончания Кавказской войны и последовавшего затем массового переселения горцев на равнину селения стали постепенно

приобретать более свободный и упорядоченный вид. В советские годы процесс перепланировки и благоустройства селений принял всеобщий характер в соответствии с выдвинутой коммунистической партией программой мероприятий по стиранию бытовых различий между городом и деревней.

9. Указанные выше факторы во многом определяли также тип застройки усадьбы коренного населения, которая на равнине отличалась сравнительно большой величиной и многофункциональностью и количеством строений (Динчи, Шарип, Нухбик, Макав, Халатала, Умалиб, Ханапи), а в горах имела минимальные размеры (Сарыбаш, Елису, Кас, Чимчар).

10. С беспокойной обстановкой быта были связаны определенные типы традиционного жилища и среди них в первую очередь – специфические для многих горных районов так называемые жилые башни, представлявшие собой многоэтажные каменные сооружения (*Жунгозул гьин, Юмухазул гьин, Пуртазул гьин, Шугайил гьин* и т.д.), принадлежавшие представителям джарской элиты.

11. Старые традиции внутреннего убранства домов формировались веками, а в течение XX-XXI вв. за короткий срок произошли громадные изменения в социальной, хозяйственной и культурной областях. Из-за этого некоторые компоненты жилища не успевают в своем развитии за инновациями, из-за чего сложилось такое положение, при котором старые традиции рушатся под напором совокупного воздействия новых условий жизни (экономика, культура, быт), а новые не успели сложиться, они находятся еще в стадии становления. Это приводит, естественно к определенной бессистемности в традициях убранства, порождает безвкусицу и попытки неуместно встроить современные предметы быта в патриархальный интерьер жилища XIX – начала XX вв.

12. Для современного цорского жилища стоит отметить изживание трудоемких и виртуозных способов украшения, как интерьера, так и внешнего вида домов. Превосходная резьба по дереву, искусное оформление внешней кладки домов и многие другие элементы традиционного жилища уходят в прошлое, отступая перед современным массовым строительством однотипного жилья. Если учесть и общий упадок художественных промыслов в результате внедрения в быт элементов промышленного производства строительных материалов, то становится очевидным исчезновение самобытности и традиционности в современном жилище дагестанцев Цора. Пресловутая глобализация и унификация вкусов и потребностей современного человека во всем мире стирает различия во многих сторонах нашего быта. Это относится и к современному жилищу дагестанцев Цора.

13. Сельские поселения народов левобережья Алазани (Цора) прошли длительный путь развития и трансформации в соответствии с изменением социальной структуры горского общества. На их формирование

большое влияние оказали также природно-экологическая среда и особенности трудовой деятельности населения.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

В рамках работы над диссертацией изданы три научные монографии:

1. *Хапизов Ш.М.* Поселения Джарского общества (историко-географическое и этнографическое описание историко-культурного микрорегиона в Восточном Закавказье). – Махачкала, ДИНЕМ: 2011. – 270 С.

2. *Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М.* Елису и Горный магал в XII–XIX вв. (очерки истории и ономастики). – Махачкала, Медиа-Полис: 2011. – 390 С. (Авторский вклад -60%).

3. *Шехмагомедов М.Г., Хапизов Ш.М., Малемагомедов Д.М.* Тленсерух в конце XVIII – XIX вв.: Историко-документальное исследование (на основе изучения материалов коллекции Усман-дибира ал-Ири). – Махачкала, Медиа-Полис: 2015. – 378 С. (Авторский вклад -40%).

Статьи в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных журналах ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

1. *Хапизов Ш.М.* Типология поселений Цора (Алазанской долины) // Вестник ДГПУ. – Махачкала, 2011. №3(16). – С. 51–55.

2. *Хапизов Ш.М.* Из истории средневекового города Загеми/Базари // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2011. Вып. 43. С. 64–71.

3. *Халилова М.Н., Хапизов Ш.М.* К вопросу об этническом составе населения Белоканского района Азербайджана // Вестник Дагестанского государственного университета. – Махачкала, 2012. Вып. 4. – С. 91–94. (Авторский вклад -70%).

4. *Хапизов Ш.М.* О грузино-аварских надписях на каменных крестах // Вестник ДНЦ РАН. – Махачкала, 2014. Вып. №54. – С. 67–74.

5. *Хапизов Ш.М.* Ругуджинская надпись (о распространении христианства и ислама в Аварии) // Вестник ДНЦ РАН. – Махачкала, 2015. Вып. №56. – С. 36–45.

6. *Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г.* Опыт исследования биографии дагестанского алима XVII в. (Талхат-кади из Ириба) по местным письменным источникам // Вестник ДГУ. – Махачкала, 2015. Т. 30. Вып. №4. – С. 40–42 (Авторский вклад -60%).

7. *Хапизов Ш.М.* Урадинская надпись (к вопросу о развитии аварской письменности на основе грузинского алфавита) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2015. Вып. 58. С. 65–70.

8. *Хапизов Ш.М.* К истории расселения аварцев в верхней части Алазанской долины (в пределах Республики Грузия) в XVII–XIX вв. //

Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. Общественные науки. – Владикавказ, 2016. Вып. № 1. С. 75-78.

Статьи в иных научных изданиях

1. *Хапизов Ш.М.* Этнодемографический очерк Белоканского района // Труды Географического общества Дагестана. Выпуск XXXVII. – Махачкала, 2009. – С. 79–85.
2. *Хапизов Ш.М.* Формирование города Закаталы и его населения // Материалы II международного конгресса кавказоведов. – Тбилиси, 2010. – С. 508–511.
3. *Хапизов Ш.М.* Закатальский округ в составе Российской империи // Сборник научных статей о Кавказе «Nash Kavkaz». – Махачкала, 2010. Вып. VIII. – С. 38–57.
4. *Хапизов Ш.М.* Тухумный квартал и его разложение (этнографическое исследование на основе села Мухах в Алазанской долине) // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 25–27 июня 2009 года. – Тбилиси, 2010. – С. 567–571.
5. *Хапизов Ш.* Населенные пункты Гугамского муниципалитета (опыт историко-географического и этнографического описания микрорегиона в Цоре – левобережье Алазани) // Научное обозрение: Ежеквартальный сборник статей. – Махачкала, 2010. – С. 63–89.
6. *Хапизов Ш.М.* Расселение аварцев в Цоре (северо-западная часть Арана) на современном этапе // Papers Abstracts. The International Conference on Examination of Azerbaijani and Aran. Study Sources. 25–26 May 2010. Iran – Ardabil. – Ardabil, 2010. – P. 38.
7. *Хапизов Ш.М.* О прошлом и настоящем кахетинских аварцев // Труды Географического общества Дагестана. Выпуск XXXVIII. – Махачкала, 2010. – С. 103–107.
8. *Aytberov Temur; Khapizov Shahban.* Pro-Qajar Elements in Dagestan (Early 19th Century) // Iran and the Caucasus. – 2010. – Volume 14. – Number 2. – P. 279–286. (Авторский вклад -40%).
9. *Хапизов Ш.М.* Формирование города Закаталы // Кавказоведческие разыскания. – Тбилиси, 2010. Вып. №2. – С. 547-554 (на рус. яз); С. – 555–560 (на англ. яз.).
10. *Хапизов Ш.М.* Родовые замки («гьин») в структуре аварских поселений Цора (левобережья Алазани) // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси – Гори – Батуми. 27–30 сентября 2010 г. – Тбилиси, 2011. – С. 543–548.
11. *Хапизов Ш.М.* Топография поселений Цора (гудекан, кладбище, мечеть) // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси – Гори – Батуми. 27–30 сентября 2010 г. – Тбилиси, 2011. – С. 549–552.

12. *Хапизов Ш.М.* Возникновение стационарных поселений на базе сезонных хуторов у джарских аварцев в XIX в. // Дагестанский этнографический сборник. – Махачкала, 2011. – Вып. V. С. 82–92.

13. *Хапизов Ш.М.* Распространение ислама в Панкисском ущелье Грузии на рубеже XIX–XX вв. в свете деятельности шейха Иса-апанди Ташазул // Ислам в России и за ее пределами: История и культура общества: Сборник материалов межрегиональной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. – Магас, 2011. – С. 391–397.

14. *Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М.* О проиранской партии среди дагестанцев 1-й половины XIX в. // Международная научная конференция «Тюркский мир, Кавказ и Иран – перекрестки цивилизационных связей». Цахкадзор 10–12 июля 2009 г. Сборник кратких содержаний докладов. – Ереван, 2010. – С. 21–22. (Авторский вклад -30%).

15. *Хапизов Ш.М.* К вопросу об исторических связях Елисуйского султанства и аварских общин Нагорного Дагестана // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала, 2011. Вып. II. С. 105–118.

16. *Айтберов Т.М., Хапизов Ш.М.* О Елисуйском султанстве и новых фактах из его истории // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала, 2011. Вып. II. С. 93–105. (Авторский вклад -50%).

17. *Khapizov Sh. M.* Demography of indigenous peoples of Azerbaijan // Papers Abstracts. The 2nd International Conference on the Talishi Studies. – Yerevan, 2011. – P. 23–25.

18. *Хапизов Ш.М.* Горный магал и Елису (этническая история и языковые процессы) // Труды ГОРД. – Махачкала, 2011. Вып. XXXIX. – С. 83–89.

19. *Хапизов Ш.М.* Закатальский округ в 1917–1921 гг.: между Дагестаном, Грузией и Азербайджаном // Кавказоведческие разыскания. – Тбилиси, 2011. Вып. №3. – С. 216–234 (на рус. яз.); 235–236 (на англ. яз.).

20. *Хапизов Ш.М.* Разгром Ибрагим-хана в Джарском ущелье: опыт исторической реконструкции (1738 г.) // Единение народов Дагестана в борьбе против иноземных завоевателей. Материалы Международной научной конференции, посвященной 270-летию разгрома войск Надир-шаха в Дагестане. – Махачкала, 2011. – С. 236–243.

21. *Хапизов Ш.М.* К вопросу о социальном статусе аварского языка в Закатальском округе // International conference on the autochthonous peoples of the Caucasian-Caspian region. 5–7 October. – Yerevan, 2012. – С. 50–51.

22. *Хапизов Ш.М.* Исламизация южной части горной Аварии (по данным местных письменных арабоязычных источников) // Историография и источниковедение Востока / Материалы международного научного симпозиума, посвященного 90-летию Зии Муса оглы Буниятова. – Баку, 2012. – С. 208–211.

23. *Айтберов Т.М., Шехмагомедов М.Г., Хапизов Ш.М.* Опыт исследования биографий средневековых мусульманских ученых-богословов Кавказа (на примере Али ал-Кили) // Вестник Института истории,

археологии и этнографии. – Махачкала, 2013. № 2 (34). – С. 11–18. (Авторский вклад -60%).

24. *Ханизов Ш.М.* Этнические процессы в Алазанской долине в XVI-XVII вв. // International conference Shirvan, Arran, and Azerbaijan: A Historical-Cultural Retrospective. Dedicated to the Memory of Prof. Enayatollah Reza. 1-2 November, 2013, Yerevan. Programme and abstracts. – Yerevan, 2013. – С. 45–48.

25. *Ханизов Ш.М.* Грузинская надпись из юго-восточной Аварии // Материалы III международного конгресса кавказоведов. – Тбилиси, 2013. – С. 205–206 (на англ. яз.); 468–470 (на рус. яз.).